

I.

РОССІЯ ВЪ БОРЬБѢ СЕРБІИ ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ СЪ 1806 ПО 1812 ГОДЪ.

I.

1806—1808 годы.

Сношенія Россіи съ христіанскими населеніями Турціи начались еще при Петрѣ Великомъ. Но наиболѣе дѣятельное вліяніе Россіи на судьбу балканскихъ населеній Порты обнаружилось не ранѣе Александровской эпохи, когда, въ 1806 г. начиная войну съ Турціей, Россія вступила въ дѣятельныя сношенія съ греками, румынами и въ особенности съ сербами, оказывая имъ денежную, матеріальную и боевую помощь своими войсками.

11-го ноября 1806 года дунайская армія Михельсона перешла Днѣстръ, вступила въ предѣлы Турціи, быстро завяла Дунайскія княжества, Ясы, Бухарестъ, крѣпости Хотинъ, Бендеры, Акерманъ и Килію. Турція въ это время не была готова къ войнѣ, которая, впрочемъ, не была еще объявлена и Россіей. Предстояло выждать, что предприметь Турція и куда направить свои главные силы. Поэтому было необходимо держать всю армію сосредоточенною и не ослаблять ея отдѣленіемъ частей на значительныя разстоянія.

Во время развитія военныхъ дѣйствій арміи Михельсона на Дунаѣ, сербы, подъ предводительствомъ своего храбраго вождя Георгія-Чернаго, также вели успѣшныя операціи на Верхнемъ Дунаѣ. Сербія, составляя провинцію Порты, обязана была платить ей ежегодно вассальную дань.

Но назначаемые султаномъ правители Сербіи, въ особенности видинскій паша Пасеванъ-Оглу, враждуя даже противъ войскъ султана, производили надъ сербами страшныя насилія и угнетали народъ. Въ видахъ личной защиты отъ грабежей, сербы запаслись, насколько могли, оружіемъ и начали группироваться въ отдѣльныя шайки, которыя турки называли разбойничьими, забывая, что грабежомъ и разбоемъ занимались именно они.

Тяжелыя испытанія въ прошломъ, угнетенія—въ настоящемъ порождали стремленія къ лучшему будущему. Всѣ желали избавиться отъ ненавистнаго турецкаго ига. Явился энергическій, храбрый человекъ, бывший до того простымъ солдатомъ австрійской арміи, сербъ Георгъ Петровичъ, названный *Кара*, т. е. *Чернымъ* Георгіемъ. Страдая за участь своей родины и сознавая, что наступилъ часъ новой борьбы за ея свободу, Кара-Георгій явился на родину и уговаривалъ всѣхъ соединиться для общей борьбы съ врагомъ.

Войска Пасеванъ-Оглу занимали Бѣлградъ. Сербскіе инсургенты сгруппировались у деревни Каменика, въ Бѣлградскомъ районѣ, и, руководимые Чернымъ-Георгіемъ, взяли 5-го апрѣля 1806 года Островицу, а 30-го ноября (12-го декабря) Бѣлградъ. Сербы провозгласили Чернаго-Георгія своимъ народнымъ вождемъ. Общій энтузіазмъ въ народѣ возросъ до чрезвычайныхъ размѣровъ. Число вооруженныхъ сербовъ дошло уже до 60,000 человекъ. Къ оружію были призваны всѣ способные владѣть имъ. Черногорія и Герцеговина также готовились пристать къ сербскому движенію (1).

Приступая къ борьбѣ, сербы обратились 6-го марта ст. ст. 1806 г. къ русскому главнокомандующему дунайскою арміею съ просьбою поддержать ихъ движеніе русскими войсками и матеріальными средствами. Но пока на Среднемъ Дунаѣ не выяснилось положеніе дѣлъ относительно намѣреній главныхъ турецкихъ силъ, Михельсонъ не могъ отдѣлать отъ своей арміи значительный отрядъ въ помощь сербамъ, обѣщая имъ оказать ее при первой возможности.

Михельсонъ дѣйствительно находилъ весьма важнымъ поддержать сербовъ въ ихъ движеніи, что должно было отвлечь вниманіе турокъ въ ту сторону и облегчить наши операціи со стороны Днѣстра. Дѣятельное сношеніе Михельсона съ сербами началось съ августа 1806 года. Для ближайшаго ознакомленія съ сербскими дѣлами и соображеній,

(1) Iwan Kamezkoj: Cervien. Eine historisch-geographisch-statistische Skizze. Berlin, 1808.

какого рода помощь можетъ быть оказана Сербіи, къ Черному-Георгію были отправлены поручикъ Бенъ-Новокрещенцевъ и Угричичъ-Требинскій.

Въ августѣ 1806 года Михельсонъ получилъ отъ Чернаго-Георгія собственноручное письмо, въ которомъ говорилось, что «деньги, оружіе, муниція и искусные воины, суть наша (сербовъ) первыя надобности. Молимъ ваше высокопревосходительство, увѣритися положительнѣйшимъ образомъ о великой нуждѣ состоянія нашего, и да изволите дати скорое пособіе, слѣбною помощію, немедленно насъ утѣшити, за которую (помощь) вамъ вѣчно народъ сербскій благодарити будетъ. Впрочемъ, вручаемъ насъ и цѣлое воинство наше и весь народъ сербскій милости и щедротамъ вашимъ и заступленію у всевысочайшаго Всероссійскаго двора, насъ всемилостивѣйше покровительствующаго».

До этого времени сношенія съ сербами производились при посредствѣ господаря Валахіи князя Ипсилантія и состоявшаго при немъ русскаго повѣреннаго Родофиникина, въ § 5-мъ Инструкціи которому было сказано (1): «Когда войска наши откроютъ наступленіе, вы должны обратить все ваше вниманіе на сербовъ, и обнадеживаніями скорой помощи и освобожденія отъ ига враговъ ихъ возбудить въ нихъ бодрость и усугубить рвеніе къ интересамъ нашимъ, чтобы они увеличили свои силы, не раздробляли ихъ и держались массою до дальнѣйшихъ наставленій отъ русскаго главнокомандующаго».

Съ своей стороны турки, видя неизбежность войны съ Россіей и желая, прежде всего, уничтожить Сербію, намѣревались усыпить ее обѣщаніями прощенія за возстаніе и напасть на нее обезоруженную.

Пока войска наши еще не переходили границъ, помощь сербамъ могла быть оказана только деньгами и припасами. Баронъ Будбергъ (управлявшій министерствомъ иностранныхъ дѣлъ) въ письмѣ къ Михельсону отъ 11-го сентября 1806 года (2) писалъ: «Его Величество, уважая представленіе ваше о надобности подать сербамъ помощь, повелѣтъ соизволилъ, доставить къ вамъ для того 13,000 червонцевъ, чтобы деньги сіи изволили отправить къ Черному-Георгію, сказавъ ему, что суммы этой на первый случай достаточно для принятія сербами нужныхъ мѣръ къ своему защищенію».

Затѣмъ, въ рескриптѣ Михельсону отъ 22-го ноября 1806 года, Императоръ поручалъ увѣдомить сербовъ, что, когда наши войска приблизятся къ ихъ границамъ, то Сербія получить отъ насъ военную помощь. Теперь же къ нимъ велѣно послать нѣсколько опытныхъ

(1) Архивъ мин. иностр. дѣлъ, Rodofinikin 1806.

(2) Архивъ ж. ин. д. Campagnes, Turquie, Michelson 1805—1806.

инструкторовъ изъ офицеровъ для обученія; но сдѣлать это секретно, такъ чтобы Турція о томъ ничего не знала (1). Когда же войска наши вступили въ княжества дунайскія и заняли Бухарестъ, въ Сербіи возникли самыя смѣлыя ожиданія, а въ Черногоріи явились предположенія не только относительно борьбы съ турками, но даже объ изгнаніи французовъ изъ Италіи и образованіи особаго *Славяно-Сербскаго царства*, титулъ котораго долженъ быть присоединенъ къ титулу Императора Всероссійскаго. Для управленія царствомъ предполагалось назначить президента изъ природныхъ россіянъ. Столицею назначалась Рагуза, какъ центръ пяти областей. Въ трехъ городахъ предполагалось учредить семинаріи или школы. Народы царства должны были сохранить на вѣчныя времена свою вѣру и вольность, подъ покровительствомъ Россіи (2).

Понятно, что задаваться такими смѣлыми планами, когда еще не выяснились наши дѣла на Дунаѣ и даже не опредѣлился планъ турокъ, было вовсе не кстати. Тѣмъ не менѣе, нужно было поддерживать въ славянскихъ народностяхъ Балканскаго полуострова ихъ стремленіе къ Россіи и поощрять ихъ надежды.

Съ этою цѣлью еще въ концѣ 1806 года были отправлены въ Сербію разные подарки, между прочимъ четыре богато украшенныя сабли для сербскихъ вождей, а одна изъ нихъ для Чернаго-Георгія и, кромѣ того, кресты, золотыя и серебряныя медали. вмѣстѣ съ тѣмъ, баронъ Будбергъ писалъ Михельсону, отъ 31-го декабря 1806 года: «Хотя не имѣемъ мы здѣсь свѣдѣній о сношеніяхъ съ сербами, я тѣмъ не менѣе увѣренъ, что на сей счетъ, конечно, принять вы изволите всѣ нужныя мѣры».

Въ январѣ 1807 года Михельсонъ послалъ въ Сербію грека Манолаки, причемъ письмомъ отъ 11-го января совѣтовалъ Георгію идти къ Видину, гдѣ онъ получитъ отъ насъ деньги и припасы. Съ Манолаки Черный-Георгій прислалъ Михельсону слѣдующее собственноручное письмо отъ 13-го января: «Мы г-ну Манолаки обширный отвѣтъ усменно вовѣрили, да вамъ сообщить; а симъ же только честь имѣемъ извѣстити васъ, что мы теперь и здѣсь въ большемъ числѣ воинство держати и противу Шабца и Босны силы наши по большей части отси- лати принуждены есмы. Впрочемъ, и совѣты ваши, по мѣрѣ возможности нашея, прерадостно слѣдовати будемъ. Только просимъ, что скорѣе

(1) Архивъ м. ин. д. Campagnes Turquie Michelson 1805—1806.

(2) Мысль объ образованіи новаго Славяно-Сербскаго государствa была высказана еще сербскимъ митрополитомъ Стратеміровычемъ въ іюнѣ 1804 года, хотя и на иныхъ основаніяхъ, но осталась невыполненною.

желанія наши исполнити, да видимъ вскорѣ посредѣ насъ единоплеменныхъ и единовѣрныхъ, любезныхъ братій нашихъ».

По соглашенію Михельсона съ Чернымъ-Георгіемъ, послѣдній, не позже конца февраля, долженъ былъ подступитъ къ Видину и переправить 4,000 или 5,000 сербовъ на лѣвый берегъ Дуная, къ Краіову, для совмѣстной съ русскими войсками защиты Валахіи, обѣщая снабдить этотъ отрядъ артилеріей и продовольствіемъ. Въ то же время Михельсонъ обѣщалъ собрать съ Валахіи 5,000 червонныхъ для сербской арміи, такъ какъ находилъ вполне справедливымъ, чтобы страна платила за свою защиту.

Но Черный-Георгіи, подступая къ Видину, занялся осадю Штубика и не призналъ возможнымъ выслать отрядъ сербовъ къ Краіову, почему Верхняя Валахія оставалась безъ обороны, и турки могли въ разныхъ мѣстахъ переходить Дунай и предаваться грабежу, чрезъ что правый флангъ корпуса Милорадовича, занимавшаго Бухарестъ, могъ подвергнуться набѣгу небольшихъ непріятельскихъ партій. Поэтому Михельсонъ приказалъ выслать, въ половинѣ апрѣля, генераль-маіора Исаева за Ольту, имѣя въ то же время въ виду сблизить его съ сербами. Отрядъ этотъ состоялъ только изъ 1,000 человекъ. Перейдя Ольту при Слатинѣ, Исаевъ прибылъ въ Краіовъ 27-го апрѣля. Здѣсь отрядъ его долженъ былъ усилиться пандурами, которые были набраны валахскимъ правительствомъ, въ числѣ до 600 человекъ, въ томъ числѣ 100 конныхъ. Но войска эти были почти безъ оружія. «Проку въ нихъ мало и безъ казаковъ употребить нельзя», доносилъ Исаевъ. Высылая разѣзды изъ Краіова къ Дунаю, Исаевъ имѣлъ приказаніе стараться вступить въ сношенія съ сербами, стоявшими на правомъ берегу Дуная, въ окрестностяхъ Видина. Въ это время всю сербскую армію Черный-Георгіи раздѣлил на три части. Одна назначалась для овладѣнія кр. Шабцемъ, другая для закрытія границъ со стороны Босніи и третья, наиболѣе многочисленная, подъ начальствомъ Миленко, для операцій противъ Видина и занятія нѣкоторыхъ острововъ выше этой крѣпости. Прибывъ въ Краіовъ, Исаевъ отправилъ къ Миленко Стойковичу, стоявшему у Владава, письмо съ увѣдомленіемъ о пѣли своего прибытія и съ изъявленіемъ готовности соединить свой отрядъ съ сербами, для совмѣстныхъ дѣйствій противъ турокъ. Сербскій вождь не замедлил отвѣтомъ, изъявляя свое нетерпѣніе въ ожиданіи прибытія русскихъ.

Между тѣмъ, въ маѣ, отрядъ Исаева перешелъ изъ Краіова въ Чернечи. Турки, желая воспрепятствовать соединенію его съ сербами на правомъ берегу Дуная, рѣшились перейти на лѣвый берегъ его, угрожая сообщеніямъ Исаева съ Краіовомъ. Для этого отрядъ, силою болѣе

600 человекъ, перешелъ Дунай у Видина и укрѣнился въ селеніи Изворино-Альба. Узнавъ объ этомъ, Исаевъ быстро двинулся противъ передшаго Дунай непріятеля, намѣреваясь подойти къ нему скрытно и неожиданно атаковать. 14-го мая Исаевъ подошелъ къ Изворино-Альбѣ. Турки уже знали о его приближеніи и были готовы къ бою. Тогда Исаевъ построилъ свой отрядъ въ два карея. Подойдя въ такомъ порядкѣ къ Изворино-Альбѣ, Исаевъ былъ встрѣченъ сильнымъ огнемъ непріятеля, засѣвашаго въ укрѣпленіяхъ, во рвахъ и за наружными зданіями селенія. Остановивъ отрядъ, Исаевъ открылъ пушечный огонь. Не смотря на значительныя потери, непріятель продолжалъ упорно защищаться. Тогда, чтобы выбить его изъ-за закрытій, высланы были впередъ стрѣлки Олонецкаго баталіона и въ подкрѣпленіе ихъ—двѣ пѣхотныя роты того же баталіона. Отрядъ этотъ штыками выбилъ непріятеля изъ-за закрытій и принудилъ его спастись въ селеніи, причежъ турки потеряли до 100 человекъ. Увлеченные побѣдою русскихъ, пандуры также двинулись впередъ и выбили непріятеля изъ его позицій. Послѣ чего турки тщетно старались удержаться въ селеніи и должны были вскорѣ его очистить. Казаки Исаева преслѣдовали бѣгущаго въ разбродѣ непріятеля на разстояніи 30-ти верстъ, и только немногіе турки успѣли спастись въ камышахъ на берегу Дуная. Въ этомъ дѣлѣ непріятель потерялъ три знамени. Гусейнъ-паша видинскій былъ убитъ; журжевскій Дели-паша взятъ въ плѣнъ. Пораженіе турокъ было полное (1).

Вѣсть о побѣдѣ при Изворино-Альбѣ распространила панику на всѣхъ турокъ, бывшихъ на лѣвомъ берегу Дуная. До 300 человекъ, занимавшихъ Калафатъ противъ Видина, опасаясь приближенія русскихъ, бросились на лодки съ такою торопливостью, что сталкивали другъ друга въ Дунай, гдѣ ихъ погибло до 100 человекъ.

Между тѣмъ, Исаевъ вовсе даже и не намѣревался идти къ Калафату. Онъ имѣлъ въ виду вступить въ непосредственное сношеніе съ Миленко, который стоялъ съ сербскими войсками у Штубика, на правомъ берегу Дуная, верстахъ въ 15-ти отъ позиціи Исаева, такъ что Исаевъ слышалъ выстрѣлы сербскихъ орудій, и это заставляло предполагать, что и сербы должны были знать о близости русскихъ. Тѣмъ не менѣе, отъ сербовъ не получалось никакихъ извѣстій. Это наводило на мысль, что сербскія войска окружены и не могутъ вступить въ сношеніе съ русскими, что дѣйствительно и оказалось, такъ какъ, начиная съ 14-го числа, турки не переставали производить на сербовъ подѣ

(1) Донесеніе генералъ-маіора Исаева отъ 17-го мая 1807 года. В. уч. арх.

Штубикомъ сильныя нападенія, желая разбить ихъ до прибытія русскихъ.

Исаевъ послалъ къ Миленко трехъ секретныхъ пословъ и рѣшился, если окажется возможнымъ, соединиться съ сербами и перейти Дунай, приче́мъ, какъ доносилъ онъ отъ 22-го мая, «можно бы чудеса на-строить: задунайскія крѣпости не оставилъ бы безъ навіщенія. Всѣ въ тревогѣ. Коменданты въ крѣпостяхъ всѣ къ побѣгу приготовленіе имѣютъ».

Черный-Георгій, получивъ извѣстіе о близости отряда Исаева, просилъ его переправиться на правый берегъ Дуная. Съ дѣлюю переправы, Исаевъ перешелъ 17-го мая къ Гогошу, чтобы перейти Дунай, съ помощью острова Кербова, если бывшее съ сербами сраженіе окажется въ ихъ пользу; въ противномъ же случаѣ намѣревался отступить къ Краюву. Но въ дѣлахъ съ 14-го по 17-е мая сербы были разбиты и окружены, такъ что ни за какія деньги никто не рѣшался доставить Миленко письмо. А между тѣмъ 500 турокъ вышло изъ Никополя съ намѣреніемъ дѣйствовать въ тылу отряда Исаева и направились къ Каракулу, чтобы выбить оттуда нашъ казачій постъ.

Не имѣя возможности соединиться съ сербами и опасаясь за свой тылъ, Исаевъ отступилъ къ Краюву 24-го мая, куда и прибылъ 26-го.

Вскорѣ Миленко Стойковичъ снова просилъ Исаева идти съ нимъ на соединеніе, указывая на то, что съ помощью прибывшаго подкрѣпленія сербы уже разбили турокъ. Сербы обѣщали приготовить лодки для переправы у острова Кербова. Поэтому Исаевъ 2-го іюня вторично выступилъ изъ Краюва къ Гогошу и 8-го числа имѣлъ тамъ свиданіе съ Миленко Стойковичемъ. На этомъ свиданіи было рѣшено, что Исаевъ перейдетъ Дунай у этого острова и соединится съ сербами для отраженія 5,000 турокъ, выступившихъ изъ Видина, чтобы напасть на сербовъ. Въ то время лѣсистый островъ Кербовъ былъ занятъ 200 турокъ, имѣвшихъ тамъ укрѣпленія.

5-го іюня Исаевъ получилъ извѣстіе, что шесть турецкихъ судовъ идутъ вдоль берега острова, вверхъ по Дунаю. Овладѣть этими судами для переправы было очень важно. Выставивъ на берегу Дуная, выше и ниже плавшихъ судовъ, артилерійскія орудія, Исаевъ принудилъ турецкія суда пристать къ острову Кербову. Тогда Исаевъ выслалъ вѣлавы сотню казаковъ своего имени полка, при хорунжемъ Поповѣ, который, вступя на островъ, овладѣлъ пятью турецкими судами; шестое было потоплено. Бывшіе на островѣ турки, увидя казаковъ, бѣжали въ *глубь*, скрылись въ *лѣсу* и *потомъ* переплыли на лодкахъ на правый берегъ Дуная. Такимъ образомъ, казаки заняли безъ выстрѣла *островъ*

бовъ съ его укрѣпленіями, имѣя при себѣ только однѣ пики. Всего же важнѣе было приобрѣтеніе пяти суденъ, послужившихъ къ переправѣ черезъ Дунай, такъ какъ обѣщанныхъ сербами судовъ не оказалось. Къ тому же на судахъ найдено было до 300 четвертей пшеницы, очень пригодившейся отряду, и много разныхъ товаровъ, розданныхъ войскамъ (1).

Между тѣмъ Черный-Георгій блокировалъ стоявшихъ въ укрѣпленіяхъ у Штубика турокъ. Какъ только онъ узналъ о прибытіи русскихъ войскъ на островъ Кербовъ, тотчасъ же лично отправился туда, чтобы опредѣлить силу прибывшаго на помощь сербамъ отряда, и остался видимо недоволенъ его малочисленностью. Исаевъ такъ доносилъ о своемъ первомъ свиданіи съ Чернымъ-Георгіемъ (2): «Черный-Георгій былъ очень угрюмъ. Посмотря на укрѣпленія острова и не сказавъ ни слова, ушелъ со всею своею свитою подъ тѣнь дерева». Исаевъ послалъ къ нему переводчика Лигатовича спросить, что это значить. Черный Георгій отвѣчалъ: «Мнѣ себя не жаль, а сожалью многія тысячи душъ народа, отъ котораго я четыре года скрывалъ и, кромѣ тѣхъ, кому слѣдовало знать, не объявлялъ о связяхъ моихъ съ Россіей. Обстоятельства сего года заставили обнаружить Австрійской имперіи, что я нахожусь подъ покровительствомъ россійскаго Императора и, по снабженію россійскихъ господъ, ожидалъ гораздо болѣе во всемъ пособія. вмѣсто того, ни въ чемъ, даже и въ войскахъ, не нахожу его, въ то время, какъ вся турецкая сила обращена на меня. Австрійскій же дворъ, негодуя на меня, строжайше запретилъ, ни за какія деньги на войска мои хлѣба не отпускать, отчего я, съ войскомъ моимъ, имѣю въ ономъ совершенный недостатокъ». Затѣмъ, Черный-Георгій прислалъ къ Исаеву Миленку уговориться на счетъ совмѣстныхъ дѣйствій у Штубика и Малайницы.

По поводу этого обстоятельства Михельсонъ писалъ Исаеву, отъ 22-го іюня: «Поведеніе противъ васъ вожди сербскихъ войскъ, Чернаго-Георгія Петровича для меня тѣмъ паче странно, что онъ имѣетъ всѣ возможныя доказательства, сколь поспѣшно приняты были мѣры къ соединенію и снабженію сербскихъ войскъ, по первомъ отзывѣ о положеніи ихъ, всѣмъ тѣмъ, чѣмъ только на первый случай по настоящему положенію дѣлъ снабдить было возможно. Деньги неоднократно посылаемы были. Съ депутатами вновь отправлены, равно артилерія, порохъ и свинецъ; вслѣдъ него сдѣлано новое отправленіе не малаго

(1) Донесеніе Исаева Михельсону, отъ 7-го іюня 1807 г.

(2) Тоже, отъ 12-го іюня 1807 г.

количества пороха и свинца, а вслѣдъ засимъ имѣеть прибыть дѣйств. ст. сов. Родофиникинъ съ немалою суммою денегъ».

Дѣйствительно, снабдивъ Родофиникина 5,000 червонцевъ для передачи сербамъ сверхъ отправленныхъ еще прежде 50,000 піастровъ, Михельсонъ, предписаніемъ 22-го іюня, поручилъ ему «успокоить г. Черни-Георгія Петровича, давъ ему вразумѣть, что когда прибыла противъ насъ визирская армія, то и намъ, пока не подойдутъ наши силы, дѣлиться трудно».

Михельсонъ, 16-го іюня 1807 года, писалъ сербскому народному совѣту, что Родофиникинъ отправился въ Сербію съ цѣлью «сотрудничества съ сербскимъ совѣтомъ въ образованіи устройства въ правленіи вашемъ для блага народнаго».

На первый разъ Исаевъ снабдилъ Чернаго-Георгія, сколько могъ, порохомъ и свинцомъ, въ которыхъ сербы очень нуждались, и обѣщаль ему рѣшительную помощь своими войсками для дѣйствія противъ видинскихъ турокъ.

Оставивъ на островѣ Кербовѣ, для обезпеченія переправы черезъ Дунай, команду при подпоручикѣ Поздняковѣ съ двумя орудіями и 500 сербами, Исаевъ 17-го іюня переправился на правый берегъ Дуная, употребивъ на переправу три дня, и 18-го соединился съ Чернымъ-Георгіемъ у Штубика, съ цѣлью выгнать 5,000 турокъ Мула-паши изъ занимаемыхъ ими укрѣпленій при Малайницѣ. Выбитые русскими изъ пяти шанцевъ, турки, потерявъ до 100 человекъ, бѣжали къ Неготину, причемъ у нихъ было отбито при преслѣдованіи двѣ пушки, двѣ мортиры и все лагерное имущество. Выславъ конницу для преслѣдованія, Исаевъ отрѣзалъ оставшихся въ укрѣпленіяхъ около Штубика турокъ отъ Неготина и Видина. Сербы сидѣли въ окопахъ и участія въ дѣлѣ не принимали. Намѣреваясь воспользоваться побѣдою, Исаевъ настояль на совмѣстномъ съ сербами движеніи къ Неготину. Оставивъ отрядъ изъ 500 сербовъ для занятія шанцевъ у Штубика, соединенныя войска, къ вечеру 23-го іюня выступили къ Неготину, и 24-го числа обложили эту крѣпость. Рѣшено было взять Неготинъ штурмомъ, для чего, главнымъ образомъ, назначались русскія войска, такъ какъ число сербовъ было не велико, и они больше занимались земляными работами (*).

Однако овладѣть Неготиномъ оказывалось не легко. Крѣпость была обнесена высокою каменной стѣной, усилена отдѣльными укрѣпленіями и могла получить подкрѣпленіе изъ Видина. Поэтому,

(*) Донесеніе Исаева отъ 25-го іюня 1807 г.

въ ожиданіи новыхъ подкрѣпленій, Исаевъ ограничивался блокадою Неготина. Во время этой блокады къ Неготину прибылъ полковникъ маркизь Паулчи. Еще въ маѣ 1807 года полковникъ Паулчи былъ посланъ русскимъ правительствомъ въ Австрію и Далмацію, съ приказаніемъ прибыть потомъ въ Сербію, въ Бѣлградъ, и тамъ опредѣлить, въ чемъ состоятъ военныя приготовления и предпріятія сербовъ, и установить сообщенія между ними и Черногоріей, а также съ русскими войсками; увѣрить сербовъ въ готовности Россіи помогать имъ деньгами, оружіемъ и проч. Затѣмъ, явиться къ Черному-Георгію, передать ему письмо и стараться узнать объ его намѣреніяхъ, оборонительныхъ или наступательныхъ дѣйствіяхъ, о сообщеніяхъ съ русскими и проч., а также объ его расположеніи къ Россіи. Обо всемъ этомъ увѣдомить Михельсона и прибыть въ Бухарестъ.

Въ письмѣ, которое Паулчи долженъ былъ передать Черному-Георгію, баронъ Будбергъ увѣрялъ его въ готовности русскаго правительства во всемъ содѣйствовать сербамъ и оказывать имъ возможную помощь.

Не задолго передъ тѣмъ Михельсонъ писалъ Черному-Георгію, что «накоонецъ приспѣлъ часъ ратникамъ имени христіанскаго низвергнуть иго мусульманъ. Порта Отоманская объявила Россіи войну за ея поведеніе о благѣ единовѣрныхъ ей народовъ, за наше приближеніе къ вамъ, любезные намъ единовѣрцы. Сербская нація служитъ всему свѣту примѣромъ, что можетъ сдѣлать геройскій духъ, воспламененный вѣрою христіанскою и любовью къ отечеству. А новыя побѣды россіянъ надъ гордымъ возмутителемъ Европы, Бонапарте, который не полагалъ наниествіямъ своимъ предѣловъ, являютъ силу оружія россійскаго: соединивъ одно съ другимъ, чего ожидать не можемъ. Вамъ, конечно, тоже извѣстно, что я, съ ввѣренными мнѣ отъ Государя моего силами, овладѣлъ крѣпостями Хотиномъ и Бендерами, Акерманомъ съ Килією; покоривъ татаръ буджакскихъ и объявъ всю землю молдавскую, поразивъ толпища кирджалиевъ Мустафы Байрактара, освободивъ отъ звѣрства ихъ Бухарестъ и всю почти землю валахскую, простираюсь до береговъ Дуная и готовъ къ дальнѣйшему пораженію непріятеля».

Письмомъ этимъ Михельсонъ надѣялся возбудить надежды сербовъ и вызвать въ Черномъ-Георгіѣ рѣшимость согласовать свои дѣйствія съ дѣйствіями русскихъ войскъ. Но Черный-Георгій по прежнему не переставалъ упрекать русскихъ въ слабой съ ихъ стороны помощи. Паулчи просилъ генерала Исаева представить его Черному-Георгію. Черный-Георгій принялъ его холодно, что подтвердило только слова Исаева, описывавшаго Чернаго-Георгія какъ человѣка, котораго очень трудно за-

ставить говорить о дѣлахъ; такъ что онъ ни слова не говорилъ даже съ Исаевымъ до тѣхъ поръ, пока тотъ не выручилъ сербовъ, окруженныхъ подъ Штубикомъ. Впрочемъ, нужно имѣть въ виду, что Черный-Георгій принялъ сперва Паулучи за французскаго агента, и только послѣ, когда онъ убѣдился въ противномъ, извинялся предъ нимъ, говоря, что это доказываетъ лишь его нежеланіе сноситься съ иностранцами.

Принявъ Паулучи, Черный-Георгій долго молчалъ, но, наконецъ, началъ жаловаться на Россію и на Австрію, которыя надавали ему обѣщаній и будто бы не исполнили ихъ, если не считать незначительной помощи, полученной отъ Россіи. Изъ числа приближенныхъ къ Черному-Георгію, болѣе другихъ пользовались его довѣріемъ: Гагичъ, бывший въ числѣ депутатовъ къ Михельсону, и Уроповичъ, котораго Черный-Георгій посылалъ въ Петербургъ къ князю Чарторыжскому. Долго совѣщаясь съ ними послѣ представленія Паулучи, Черный-Георгій сказалъ, что никоимъ образомъ не слѣдуетъ довѣряться Паулучи, потому что, по полученнымъ имъ изъ Австріи свѣдѣніямъ, Россія находится въ очень критическомъ положеніи, и закончилъ увѣреніемъ, что для сербской націи ничего болѣе не остается, какъ рассчитывать на Австрію, и что если его совѣтники согласны, онъ чрезъ нѣсколько дней покончить это дѣло съ Австріей.

Вообще нужно сказать, что Австрія начала сильно интриговать въ это время и старалась привлечь къ себѣ Чернаго-Георгія. Энергичнѣе всѣхъ противъ сближенія съ Австріей были доблестный вождь Миленко Стойковичъ, къ которому Паулучи и обратился за содѣйствіемъ въ сношеніяхъ его съ Чернымъ-Георгіемъ. Отправясь къ нему вмѣстѣ съ Миленко, Паулучи сталъ говорить рѣшительно. «Я не могъ не знать, сказалъ онъ, объ интригахъ австрійцевъ, и надѣюсь, что вы не желаете быть обмануты и не дадите вѣры двору, который, чтобы заставить цѣлую націю дѣйствовать по его желанію, даетъ ей умирать съ голода (1), въ то время, какъ по ея же винѣ французы владѣютъ Далмаціей и имѣютъ въ виду вступить въ Сербію, чтобы снова ввергнуть ее подъ иго Порты. Сверхъ того, вы сами увѣрены, что Австрія не можетъ открыто васъ поддерживать. Напротивъ того, не говоря уже о единствѣ религіи, племеннаго родства и интересовъ, русскіе помогли сербамъ войсками и еще недавно одержали побѣду надъ турками, державшими Миленко 17 дней въ осадномъ положеніи у Штубика». Послѣдствіемъ этой рѣчи было то, что Черный-Георгій обѣщалъ торжественно, что не

(1) Запрещеніе вывоза хлѣба изъ Австріи въ Сербію.

будетъ болѣе имѣть никакого сношенія съ Австріей и отдастся вполнѣ покровительству Россіи.

На другой день Черный-Георгій объявилъ Паулучи, что получилъ извѣстіе о наступленіи турокъ къ Зворнику на Дринѣ, и что тамъ сербскія войска Іакопа были разбиты. Затѣмъ, послѣдовало заключеніе конвенціи съ Паулучи, которая была подписана Чернымъ-Георгіемъ и другими. Въ тотъ же день, въ сопровожденіи 800 человекъ конницы, Черный-Георгій отправился 28-го числа на Дрину, рассчитывая увеличить по пути свой отрядъ новыми силами.

Въ Бѣлградѣ Паулучи убѣдился, что, послѣ того, какъ Черный-Георгій открыто сталъ на сторону Россіи, ему начали оказывать «безграничное послушаніе, и его авторитетъ можетъ быть сравненъ только съ азіятскимъ деспотизмомъ, который не знаетъ иныхъ законовъ, кромѣ тѣхъ, какіе самъ создастъ». Никакой проступокъ или вина не остается у Чернаго-Георгія безъ наказанія. Полтора года тому назадъ, онъ казнилъ своего роднаго брата за многочисленныя злоупотребленія, которыя онъ себѣ дозволилъ. Эта страшная кара разсѣяла шайки воровъ, бродившихъ по странѣ, и, хотя временно, положила конецъ насилію и произволу, которыя водворились между начальниками войскъ.

Лично о Черномъ-Георгіѣ Паулучи выражался такъ: «Простота его нравовъ и безкорыстіе замѣтны въ его манерахъ и рѣчахъ, проявляя его искреннюю привязанность къ родинѣ. Все это составляетъ нѣчто цѣлое, что дѣлаетъ его существомъ рѣдкимъ и достойнымъ уваженія (*gaie et respectable*), не смотря на то, что ему не достаетъ хорошаго образованія».

Послѣдними словами Чернаго-Георгія при прощаніи съ Паулучи были: «Помните, что я ничего болѣе не желаю, какъ видѣть мою родину чуждою всякихъ опасеній (*craintes*) на счетъ возобновленія (*déréchef*) турецкаго ига. Тогда я отрекусь отъ всего и возвращусь къ моему плугу (*charrue*)». Нужно думать, что слова эти были искренни, такъ какъ на вопросъ Паулучи, чего бы онъ желалъ для себя отъ русскаго двора, онъ отвѣчалъ: «Пусть онъ согласится на то, что мы считаемъ необходимымъ». Другіе же сербскіе начальники, въ томъ числѣ и Миленко, просили чиновъ и орденовъ (1).

7-го іюля 1807 года Михельсонъ доносилъ Императору: «Прибыль ко мнѣ полковникъ маркизъ Паулучи съ бумагою, заключающею положительное желаніе славяно-сербскаго народа, состоящее въ томъ, что народъ сей рѣшительно и безсомнѣнно предаетъ жребій свой во всемъ

(1) Архивъ мин. иностр. дѣлъ 1807 годъ. Marquis Paulucci № 213.

покровительству и власти Вашего Императорскаго Величества. Примѣчательно, что желаютъ имѣть всякаго рода чиновниковъ по военной и гражданской частямъ, *кромя грековъ*».

Этотъ актъ, о которомъ писалъ Михельсонъ, была конвенція, заключенная Паулучи 28-го іюня 1807 года, покъ Неготиномъ, съ Чернымъ-Георгіемъ, и состоятъ, главнымъ образомъ, въ слѣдующемъ: «Сербскій народъ имѣетъ первое желаніе быть подъ покровительствомъ Его Императорскаго Величества Александра I. Всепокорѣйше просить дать *земль управителя*, который привелъ бы въ порядокъ народъ и далъ ему конституцію отъ имени Его Величества Александра I. Всѣ служаніе, какъ по военной, такъ и по гражданской части въ Сербіи, *не допуская лишь грековъ*, должны быть назначаемы именемъ Его Императорскаго Величества. Въ сербскихъ крѣпостяхъ, для лучшаго управленія страной, долженъ быть русскій гарнизонъ съ русскимъ комендантомъ. Русскіе должны имѣть въ Сербіи 3,000 человекъ регулярной пѣхоты, два эскадрона кавалеріи и полкъ казаковъ, къ которымъ, въ случаѣ надобности, присоединяется до 20,000 сербскаго войска. Сверхъ того, столько же русскихъ войскъ должно быть назначено къ боснійской границѣ и для соединенія съ черногорцами. Съ своей стороны сербы должны выставить къ границамъ Босніи 15,000 человекъ и занять пограничные тамъ посты. Такъ какъ сербскій народъ уже четыре года ведетъ войну и средства его истощились, то *землеуправитель* долженъ быть снабженъ достаточными денежными средствами, которыя и хранятся въ бѣлградской кассѣ. Необходимы мастера для литья пушекъ и приготовленія ядеръ и пороха, медики и проч.». Подлинное подписали: Черный-Георгій Петровичъ, предводитель сербскаго народа, во имя цѣлаго народа сербскаго. Миленко Стойковичъ, комендантъ Бѣлграда, и членъ-секретарь сербскаго народнаго совѣта, Іеремія Гачичъ.

Почти въ одно время съ утвержденіемъ этого постановленія прибылъ въ Сербію тайный совѣтникъ Родофиникинъ, съ инструкціею, отъ 16-го іюня 1807 года, въ которой, между прочимъ, было сказано: «Дать народу сербскому руководство къ образованію внутренняго у нихъ правленія. Главнымъ образомъ, изучить край въ матеріальномъ и политическомъ отношеніяхъ, доказывая сербамъ, что только отъ Россіи они могутъ надѣяться получить помощь и избавленіе отъ турецкаго ига. Увѣрить сербовъ, что Россія всегда готова оказать имъ содѣйствіе оружіемъ, снарядами и деньгами, если сербы безъ всякаго колебанія будутъ согласоваться съ дѣйствіями Россіи, клонящимися, «какъ всему свѣту извѣстно, къ устроенію блага общаго». Передать сербамъ 100,000 піастровъ, изъ которыхъ заплатить за 4,500 ружей, доставленныхъ

австрійскими предпринимателями въ Землинъ; представлять о награжденіи тѣхъ лицъ въ Сербіи, которыя будутъ заслуживать поощренія.

Назначеніе Родофинкина въ Сербію было очень важно, такъ какъ, въ сущности, намъ было очень мало извѣстно какъ о самой личности Чернаго-Георгія, такъ и о настроеніи народныхъ партій. Изъ конвенціи, заключенной 28-го іюня полковникомъ Паулучи съ Чернымъ-Георгіемъ, являлось лишь желаніе Сербіи получить отъ Россіи побольше денегъ и другаго рода помощь, съ тѣмъ, чтобы Россія приняла Сербію подъ свое покровительство и имѣла въ ней свои регулярныя войска для защиты противъ турокъ. Но въ іюлѣ Михельсонъ получилъ просьбу «отъ имени разныхъ націй славянскихъ» какъ въ Сербіи, такъ и въ другихъ мѣстахъ на Балканскомъ полуостровѣ живущихъ, о томъ, чтобы «всѣмъ имъ быть подъ Московскимъ царствомъ». Въ донесеніи Михельсона, отъ 3-го августа 1807 года, Императору приведенъ подлинный текстъ этой просьбы: «Мы вамъ изъявляемъ, что мы желаемъ быть подъ дворомъ россійскимъ, чрезъ что и хотимъ всѣ единогласно подняться противъ нѣмцевъ. Вамъ извѣстно, что дѣлали нѣмцы (австрійцы) въ прошедшую съ французами войну, и какую измѣну оказали противу покойнаго Суворова, и какъ нѣмцы обманули, измѣнили и продали россійское войско». «Теперь, говорится далѣе въ письмѣ, нѣмцы сходятся съ французами противъ Россіи, а турки должны всѣми силами напасть на сербовъ. Вы знаете, что нѣмецъ есть изетари измѣнникъ (¹). Будьте увѣрены, что наконецъ сами увидите, что нѣмцы издревле были непостоянны. Нѣмецъ всѣ земли наши съ селеніями продастъ дворянамъ, дабы истребить милицію сербскую и отговорится тѣмъ, что не онъ, а Венгрія сіе сдѣлала, чтобы имѣть сербамъ злость на венгровъ, а не на австрійцевъ. Сколько турки ни желали сербамъ зла за то, что мы единоплеменны съ россіями, однакоже въ томъ гораздо превосходятъ ихъ нѣмцы. Мы, христіане, желаемъ и хотимъ, всѣ вообще, поклониться и быть подъ Московскимъ царствомъ, готовы будучи служить до смерти своей» (²).

Изъ этого видно, что народъ иначе понималъ свои интересы, чѣмъ Черный-Георгій и партіи, имѣвшія власть въ странѣ. Положеніе дѣлъ въ Сербіи Родофинкинъ нашелъ въ состояніи, которое можно было назвать хаотическимъ. Всѣ начальники войскъ и коменданты крѣпостей имѣли въ виду одну только наживу, не думая о войскахъ. Сербскій народный совѣтъ состоялъ изъ четырехъ неграмотныхъ купцовъ, «кои

(¹) Здѣсь говорится только объ австрійцахъ.

(²) Архивъ мин. иностр. дѣлъ. Michelson. 1807.

суть всепокорѣйшія слуги всѣхъ наличныхъ военныхъ начальниковъ». Войска имъ ничего не стоятъ, ибо крестьяне должны идти на войну съ своимъ оружіемъ и на собственномъ продовольствіи и, по выслугѣ четыре мѣсяца, смѣняются другими. Начальники выписывали до сего оружіе изъ австрійскихъ предѣловъ и потомъ продавали его крестьянамъ за двойную цѣну. Деньги, присылаемые по временамъ отъ Высочайшаго двора, по большей части доставались въ добычу Черному-Георгію одному, ибо онъ былъ первый, къ кому оныя доходили въ руки». Поэтому Родофиникинъ, не объявляя никому, сколько съ нимъ было привезено денегъ, далъ 3,000 червонныхъ Миленко и роздалъ также другимъ начальникамъ (¹).

«Появленіе мое здѣсь, доноситъ Родофиникинъ, не было пріятно ни Черному-Георгію, ни другимъ начальникамъ; одинъ токмо народъ обрадовался, въ надеждѣ, что съ моимъ прибытіемъ все устроится и, какъ жизнь, такъ и имущество каждаго обезпечается». Родофиникинъ послалъ боярина Ростіа спросить Чернаго-Георгія, когда онъ его можетъ видѣть. Черный-Георгій наговорилъ посланному тьму грубостей и кончилъ словами: «всѣхъ бы васъ должно порѣзать; мнѣ нужны войска, а я ихъ вовсе не вижу; какая мнѣ польза будетъ отъ присланнаго сюда; съ чѣмъ и зачѣмъ онъ пріѣхалъ?» Черезъ часъ многіе сербы явились къ Родофиникину и заявили ему, что они были у Чернаго-Георгія и объяснили ему «необдуманность его (Чернаго-Георгія) поступка въ такое время, когда все благосостояніе ихъ зависитъ отъ Россіи», и притомъ требовали, чтобы сербскій вождь принялъ Родофиникина приличнымъ образомъ и слѣдовалъ бы наставленіямъ его. «Свиданіе наше началось холодно, доноситъ Родофиникинъ. Подали водку, и я увидѣлъ себя принужденнымъ пить столько же, сколько и онъ, дабы снискать себѣ дружбу, которая, дѣйствительно, и утвердилась съ сей минуты; ибо послѣ сего всякій день у меня бываетъ, спрашиваетъ о всемъ и требуетъ совѣта». Родофиникину предложили, и даже требовали, чтобы онъ составилъ нѣчто въ родѣ сербской конституціи. «Я не преминулъ объяснить имъ, что совершенной независимости для сербовъ на первый разъ ожидать трудно, и что преимущественнѣе и для нихъ самихъ лучше остаться до времени подъ верховною властью Порты, имѣя своего князя и свое правительство. Сначала всѣ отзывались,

(¹) Упрекъ, дѣлаемый Родофиникинымъ относительно алчности Чернаго-Георгія къ деньгамъ, едва-ли справедливъ. Черный-Георгій держалъ у себя всѣ поступающія къ нему суммы потому, что имѣлъ въ виду общественныя нужды; иначе всѣ деньги остались бы въ карманахъ частныхъ начальниковъ. *Авт.*

что они скорѣе умрутъ съ оружіемъ въ рукахъ, нежели покорятся Портѣ, но мало по малу утихли. Выработанная Родофиникинымъ, соглашенная съ желаніями народа и утвержденная подписью Чернаго-Георгія конституція, писанная на сербскомъ языкѣ, состояла въ главныхъ чертахъ въ слѣдующемъ (1): 1) Въ Бѣлградѣ устанавливается правительствующій сербскій сенатъ, подъ предсѣдательствомъ князя, которому отечество даетъ титулъ *святлѣйшаго князя*. Ему предоставляется полная власть *всѣхъ милостей* награждать и прощать; власть же *наказывать, карать*, принадлежитъ закону и суду. Судьи получаютъ жалованье, сообразуясь съ доходами земли. 2) Кромѣ князя, предсѣдательствующаго въ сенатѣ, членами его имѣютъ быть полководцы, кои нынѣ комендантами по нахіямъ были и защищали отечество. Они станутъ называться титуломъ *сіятельный вождь* и въ сенатѣ занимаютъ мѣста по старшинству. Лица, состоявшія въ народномъ совѣтѣ, и всѣ тѣ, кто принесъ отечеству пользу своими трудами, вѣрностью и путешествіями, назначаются сенаторами, съ титуломъ «превосходный сенаторъ». Имена вождей и сенаторовъ, «какъ первыхъ и превосходныхъ людей въ народѣ», записываются въ особыя сенатскія книги, «дабы народы и потомки знали и почитали ихъ». Сверхъ того, въ составъ сената входятъ по одному почетнѣйшему выборному, съ званіемъ *совѣтника* сената. Вожди и сенаторы остаются въ своихъ званіяхъ пожизненно, а совѣтники смѣняются каждые три года. Всѣ члены сената пользуются однимъ лишь голосомъ, князю же предоставляется три голоса. Дѣла рѣшаются простымъ большинствомъ голосовъ, а при равенствѣ ихъ—голосомъ князя. Народъ и всѣ члены сената присягаютъ на вѣрность князю и сенату. Князь даетъ особую присягу—охранять законы и всѣ силы употреблять, дабы всякій повиновался рѣшеніямъ сената. 3) Совѣтники, избранные на три трехлѣтія, избираются по смерти въ сенаторы, получаютъ дворянство и титулъ *превосходнаго сенатора*. 4) Всѣ коменданты обязаны прислать въ сенатъ списки лицъ, оказавшихъ отечеству услугу. Сенатъ выдаетъ имъ грамоту на дворянство. 5) При сенатѣ учреждается «законоохранительная стража». 6) Въ каждую нахію назначить для управленія по одному изъ достойныхъ слугъ отечества, которые и вѣдаютъ всѣ приходы нахіи. При немъ состоятъ два совѣтника, ежегодно избираемые населеніемъ нахіи. Эти три лица чинятъ судъ и расправу въ своей нахіи. Недовольные ихъ рѣшеніями имѣютъ право жаловаться въ сенатъ. 7) Правительство нахіи доноситъ сенату о всякомъ важномъ дѣлѣ, особенно же уголов-

(1) Архивъ мин. иностр. дѣлъ. Rodofinisin. 1807, № 249.

наго характера. Смертная казнь опредѣляется только сенатомъ, который обязанъ обращаться къ свѣтлѣйшему князю съ просьбою о помилованіи осужденнаго. 8) Пока доходы земли не дозволятъ назначить жалованье служащимъ, устанавливаются за заслуги награды чинами. 9) При возможности, составить карту страны, причѣмъ всѣ не заселенныя мѣста будутъ принадлежать правительству и состоять подъ властью сената. 10) Всѣми доходами вѣдаетъ сенатъ, и никто, кромѣ сената, никакія требованія ни подъ какимъ наименованіемъ не можетъ чинить отъ народа. 11) Главныхъ полководцевъ избираетъ сенатъ. Миръ или войну безъ воли сената никто не чинить. 12) Никто изъ сенаторовъ не можетъ быть лишень своего званія безъ единогласнаго опредѣленія князя и сената.

Таковы были общія основанія выработанной для Сербіи конституціи, долженствовавшей установить въ странѣ начала порядка, силу закона и ограниченіе личнаго произвола. Черный-Георгій подписалъ эту конституцію, но самъ же не замедлилъ нарушить ее, не стѣсняясь собственноручно рубить головы тѣмъ, кто навлекалъ его гнѣвъ. Сенатъ никогда не имѣлъ значенія, которое хотѣлъ придать ему Родофиникинъ, и нѣкоторые сенаторы, какъ, на примѣръ, Младенъ, являлись въ него въ сопровожденіи своихъ вооруженныхъ приверженцевъ, чтобы внушеніемъ силы отстоять свои мнѣнія.

Между тѣмъ, по отбытіи Чернаго-Георгія къ дринской арміи, Исаевъ и Миленко продолжали блокировать Неготинъ. Исаевъ скоро понялъ, что съ слабыми сербскими войсками нельзя было разсчитывать на успѣхъ блокады этой крѣпости, которая, собственно говоря, и не могла назваться блокадой, такъ какъ союзныя войска облегалы крѣпость только съ одной стороны, оставляя всѣ другія открытыми. Еще менѣе Исаевъ находилъ возможнымъ дѣйствовать противъ Видина; поэтому онъ намѣренъ былъ возвратиться въ Краіовъ, гдѣ его отсутствіе держало въ тревогѣ мѣстныхъ жителей.

Продолжать блокаду Неготина, когда шелъ вопросъ о перемиріи между Россіей и Турціей, было также противъ желанія Михельсона, который указывалъ на необходимость прекратить блокаду Неготина и переправить отрядъ Исаева на лѣвый берегъ Дуная, такъ какъ, въ случаѣ неудачнаго хода переговоровъ о перемиріи, Исаевъ, по своей малочисленности, могъ быть отрѣзанъ турками отъ Краіова. «Съ малымъ своимъ корпусомъ, писалъ Михельсонъ Исаеву, вы имѣли столь похвальные успѣхи, что и требовать больше нельзя». Но Исаевъ не рѣшался отступить и предать сербовъ на жертву туркамъ. Для сохраненія виѣшности Михельсонъ совѣтовалъ ему оставить сербамъ пандуровъ и арнаутовъ

Испилантия, выдавая ихъ за русскія войска, а самому съ регулярною пѣхотою и казаками его имени отступить къ Краіову. Но такой грубый обманъ казался Исаеву не достойнымъ чести русскаго оружія, и онъ на него не рѣшился. Михельсонъ, какъ главнокомандующій русскою арміею, имѣлъ, прежде всего, въ виду ея интересы. По ходу слободзейскихъ переговоровъ о перемиріи онъ зналъ, что назначается 35-тидневный срокъ для очищенія нашими войсками Молдавіи и Валахіи. Этого срока было бы недостаточно для отступленія Исаева къ нашимъ границамъ, и отрядъ его могъ быть истребленъ турками, не особенно строго исполняющими свои обязательства.

Съ другой стороны, Михельсонъ сознавалъ, что для чести русскаго оружія нельзя было оставить на произволъ турокъ нашихъ союзниковъ сербовъ. Поэтому онъ писалъ Ложкареву (1), отъ 4-го августа: «Нужно что нибудь сдѣлать для сербовъ въ облегченіе мое, чтобы я, безъ стыда намъ, могъ вывести войска. Мнѣ казалось бы: дать подъ рукою почувствовать, что, сдѣлавши и тамъ перемиріе, все послѣ останется въ волѣ ихъ (турокъ) поступать какъ благоразсудятъ! Все сіе пишу партикулярно, какъ мысль мою; впрочемъ, поступите по лучшему усмотрѣнію вашему, и я бы радъ былъ, чтобы лучше меня побранили, какъ оставаться безъ отвѣта, но я къ сему привыкъ». Но турки упорно отказывались распространить перемиріе на сербовъ. Отдать же ихъ на жертву не рѣшались ни Ложкаревъ, ни Исаевъ. Михельсонъ тоже не зналъ, какъ разрѣшить эту задачу—отстоять сербовъ и избавить Исаева отъ опасности. «По крайней мѣрѣ, писалъ Михельсонъ Ложкареву, отъ 9-го августа, выговорите, чтобы перемиріе было распространено на ту часть Сербіи, гдѣ наши войска находятся, дабы корпусъ Исаева могъ отступить безъ стыда нашему оружію. Каково намъ смотрѣть будетъ, если турки въ глазахъ нашихъ начнутъ истреблять нашихъ союзниковъ?»

Первое извѣстіе о началѣ переговоровъ съ турками было получено въ Сербіи еще 3-го іюля. Пользуясь этимъ, Исаевъ тотчасъ же отправилъ 3-го іюля коменданту Неготина, Гушанцу-Али-пашѣ, письмо, намѣреваясь воспользоваться перемиріемъ, чтобы возвратиться въ Краіовъ. Но Гушанци-Али сказалъ посланному, что о перемиріи ничего не знаетъ, а Миленко Стойковичъ умолялъ Исаева не оставлять сербовъ, тѣмъ болѣе, что онъ получилъ сейчасъ письмо изъ Бѣлграда отъ тамошняго совѣта, что султанъ уступаетъ Австріи Боснію и Сербію въ уплату

(1) Русскому уполномоченному для переговоровъ о заключеніи слободзейскаго перемирія.

должныхъ имъ Австріи 80-ти миліоновъ шастровъ (1). Миленко, пріѣхавъ по этому поводу къ Исаеву, сказалъ; «Мы хотѣли бы лучше имѣть Государемъ одного съ нами закона, російскаго Императора; но тому, кто продалъ и купилъ насъ, достанется обоимъ; оба не будутъ рады».

Между тѣмъ Исаевъ, находя бесполезнымъ продолжать блокаду Неготина, предложилъ Миленко отступить на болѣе выгодную позицію. Но Миленко съ крайнимъ сожалѣніемъ признался, что, какъ скоро мы тронемся съ мѣста, сербскія войска разбѣгутся; «въ чемъ, доносили Исаевъ, и я былъ почти увѣренъ. Что оставалось мнѣ дѣлать? Отойти, оставивъ ихъ однихъ, я опасался, чтобы многочисленный непріятель не воспользовался симъ и не наналъ на нихъ порознь. По сей-то причинѣ я остался, хотя и послѣ могъ бы отступить, ибо турки сего только и желаютъ, охотно предлагая перемиріе съ російскими войсками, а съ сербами не хотятъ его» (2).

Оставшись поэтому снова подъ Неготиномъ, Исаевъ отправилъ другое письмо, отъ 13-го іюля, къ видинскому Мула-пашѣ по поводу перемирія. Но паша отвѣчалъ словесно, что не принимаетъ перемирія, пока не получитъ о томъ повелѣнія отъ султана. А между тѣмъ, 19-го іюля, въ девять часовъ утра, до 6,000 человекъ турецкой конницы, изъ числа прибывшихъ изъ Видина 12,000 человекъ, атаковали отрядъ Исаева подъ Неготиномъ. Атака, главнымъ образомъ, была направлена на кавалерію, которая по своей малочисленности не могла дать надлежащаго отпора. Въ помощь ей Исаевъ выслалъ стрѣлковъ Олонецкаго баталіона. Турецкая конница не смѣла нападать на нашу пѣхоту, построенную въ каре. Въ теченіе четырехъ часовъ видинскій Мула-паша три раза бросался въ атаку, но всякій разъ былъ отражаемъ ружейнымъ и артилерійскимъ огнемъ, а затѣмъ преслѣдуемъ казаками, арнаутами и хорватами. Оставивъ на мѣстѣ до 200 тѣлъ, турки, наконецъ, отказались отъ дальнѣйшихъ нападеній (3). Дѣло окончилось безъ участія сербовъ.

Едва началось дѣло 19-го іюля, какъ Миленко прискакалъ къ Исаеву и объявилъ ему, что сербы, не надѣясь удержать свои позиціи, оставляютъ шанцы и бѣгутъ въ горы. Тогда Исаевъ, опасаясь остаться съ своимъ отрядомъ противъ 15,000-наго непріятеля въ Неготинѣ, еще не принявшаго окончательно перемирія, отступилъ того же 19-го числа отъ крѣпости и вступилъ на островъ Кербовъ, отправивъ

(1) Донесеніе Исаева, отъ 19 го іюля 1807 г.

(2) Донесеніе генераль-маіора Исаева, отъ 9-го августа 1807 г. В. уч. архивъ.

(3) То же, отъ 19-го іюля 1807 г.

въ Неготинъ къ Мула-пашѣ третье письмо, съ просьбою прислать кого нибудь для переговоровъ о перемиріи (1).

Въ отвѣтъ на это письмо Мула-паша требовалъ очищенія острова. Исаевъ отвѣчалъ, что еще не получилъ приказанія объ отступленіи. Только 1-го августа Исаевъ получилъ отъ Измаилъ-бея письмо съ увѣдомленіемъ, что извѣстіе о перемиріи съ русскими уже дошло къ нему официальнымъ путемъ, но что перемиріе это не можетъ распространяться на сербовъ, которыхъ онъ называлъ разбойниками. На это Исаевъ отвѣчалъ, «что русскія войска воюють за-одно съ сербами, почему и будутъ отражать нападенія на сихъ послѣднихъ». Затѣмъ, 5-го августа, Исаевъ отправилъ къ видинскому пашѣ штабсъ-капитана Бибикова съ новою просьбою распространить перемиріе и на сербовъ. Но папа настаивалъ на томъ, «что когда турки придуть атаковать сербовъ, русскіе бы ихъ не защищали». На это Исаевъ не согласился.

Въ такомъ положеніи были дѣла, когда французъ Маріажъ, бывшій въ Видинъ, прислалъ Родофиникину письмо, увѣдомляя его о начавшихся переговорахъ въ Слободзеѣ. Исаевъ увѣдомилъ Маріяжа, что веденіе переговоровъ о перемиріи въ Верхней Валахіи поручено ему, почему и просилъ его пріѣхать на островъ Кербовъ. 28-го іюля состоялось свиданіе. Маріажъ, въ качествѣ посредника между турками и русскими, сказалъ, что турки охотно заключать перемиріе съ русскими; съ сербами же они не хотятъ вступать ни въ какія сношенія. Исаевъ объявилъ, что онъ можетъ заключить перемиріе не иначе, какъ распространивъ его и на сербовъ, которыхъ онъ не намѣренъ отдавать на жертву. Послѣ долгихъ разсужденій было установлено, чтобы пограничная линія на правомъ берегу Дуная содержалась во время перемирія русскими войсками; было также постановлено, что дунайскій островъ Кербовъ, занятый русскими и 500 сербовъ, останется за ними, но чтобы торговья турецкія суда могли имѣть по берегамъ его свободное плаваніе по Дунаю; причемъ русскіе имѣютъ право осматривать эти суда и останавливать ихъ, въ случаѣ, если на нихъ окажутся войска или военные припасы. Маріажъ увѣрялъ, что миръ между Россіей и Турціей уже заключенъ, и потому онъ надѣется, что Исаевъ выведетъ скоро свой отрядъ изъ Сербіи и Валахіи. Послѣ трехчасоваго разговора Маріажъ уѣхалъ въ Видинъ, откуда къ вечеру прибылъ къ Исаеву Ра-

---

(1) Извѣстный своими грабежами Пасеванъ, паша видинскій, умеръ 15-го января 1807 года и былъ замѣщенъ Мула-пашою, который, какъ доносилъ Михельсонъ, «свирѣпостью подобенъ Пасевану», почему имѣлъ враговъ, въ числѣ которыхъ былъ Мими-паша, «очень благодѣтельный», съ которымъ Михельсонъ и Миленко были въ сношеніяхъ.

шидь-эфенди, уполномоченный Измаиль-беемъ для переговоровъ, причемъ турки заявляли требованіе, чтобы мысъ острова Кербова противъ Прагова былъ во время перемирія занятъ турками. Исаевъ не согласился на это и въ письмѣ къ Измаиль-бею просилъ вести на будущее время переговоры безъ посредства Маріажа и вообще французовъ. «Не знаю, какой получу отвѣтъ, доносилъ Исаевъ. Французы стараются распуścić слухъ, что русскіе оставляютъ Сербію, Валахію и Молдавію. Турки часто разговариваютъ изъ крѣпости съ сербами, находящимися на батарее, которая довольно близко. Миленко въ насъ сомнѣвается и вчерашній день у меня напалъ на турокъ, присланныхъ ко мнѣ съ письмомъ. Едва я могъ остановить его. На турецкомъ языкѣ не пощадилъ и меня, говоря, что всѣ сіи переговоры клонятся къ тому, чтобы продать ихъ (сербовъ)» (1).

Отступленіе Исаева отъ Неготина и намѣреніе его слѣдовать къ Краіову чрезвычайно встревожило сербовъ, видѣвшихъ въ этомъ не простую военную необходимость, бывшую слѣдствіемъ ихъ же слабости, но какія-то тайныя намѣренія. «Русскіе заключаютъ съ турками миръ, а намъ мира нѣтъ. Это явно, что вся турецкая сила нойдетъ противъ насъ. Днесъ мы совсѣмъ пропадаемо и насъ на разграбленіе туркамъ оставляютъ», писалъ братъ Миленко Стойковича. По поводу того же отступленія доносилъ Родофиникинъ барону Будбергу, отъ 12-го августа, что оно породило мысль, что Россія сдѣлала это для того, чтобы австрійцы могли вступитъ въ Сербію и занять ее. Нѣкоторые сербскіе старѣйшины «предлагали, чтобы послать по секрету депутатовъ къ Бонапарте для принятія Сербіи подъ его покровительство. Къ счастью, сіе было мнѣ тотчасъ донесено, и я успѣлъ ниспровергнуть такой злой умыселъ. Посредствомъ денегъ можно здѣсь всѣ умы обратить къ той цѣли, которая будетъ нужна».

Въ такомъ положеніи находились переговоры, когда, наконецъ, верховный визирь, заключивъ перемиріе съ русскимъ главнокомандующимъ, приказалъ распространить его и на сербовъ.

27-го августа Исаевъ отступилъ къ Краіову, распространяя слухъ, что идетъ туда только для отдыха, желая этимъ успокоить мѣстныхъ жителей, опасавшихся прихода турокъ. Но, тѣмъ не менѣе, всѣ жители бросили уже свои жилища, и Верхняя Валахія представляла безотрадную картину полного опустѣнія. Но если тревожились жители Валахіи, то сербы тѣмъ болѣе имѣли основаній опасаться. Еще до отступленія Исаева къ Краіову былъ отправленъ въ главную квартиру дунайской арміи

(1) Донесеніе генераль-маіора Исаева, отъ 31-го іюля 1807 года.

сербскій депутатъ Гагичъ, который подалъ 28-го августа генералу Мейндорфу (1) письмо, въ которомъ было сказано: «Народъ сербскій, надѣясь на Россію—за свою и всеобщую пользу христіанскаго народа, съ великими подвигами устремлялся и устремляется противъ враговъ православной вѣры; теперь же на полѣ отчаянія находится». Болѣе всего тревожила сербовъ неизвѣстность ихъ судьбы по замиреніи. Это, сказано далѣе: «заставляетъ насъ въ отчаяніи быть» и просить отвѣта: «Заслуживаетъ-ли народъ сербскій въ отечествѣ своемъ быть подъ покровительствомъ и защищеніемъ Высочайшаго двора російскаго, или вѣчной гибели предается?»

Въ то же время Гагичъ передалъ и слѣдующее письмо отъ сербскаго совѣта: «Манифестомъ Россіи мы были призваны къ борьбѣ противъ враговъ нашей вѣры, и обѣщались намъ всякая помощь, покровительство и утверженіе свободы нашей. До того времени мы боролись съ бунтовщиками турецкими (т. е. пашами); по полученіи же манифеста начали воевать противъ самого султана, который устремилъ на насъ поэтому турецкія войска изъ Босніи и Албаніи. Турки собрали также великую силу у Ниша, откуда идетъ на насъ Рашидъ-паша «истребить совѣтъмъ родъ нашъ». Въ такое-то время Россія насъ оставила, когда мы нуждаемся и въ порохѣ и свинцѣ».

Опасенія сербовъ за ожидавшую ихъ участь происходили, главнымъ образомъ, отъ незнанія, какъ горячо Россія отстаивала ихъ интересы во время слободзейскихъ переговоровъ. Настоящее же положеніе дѣлъ въ Сербіи грозило серьезными опасеніями. Дѣйствительно, по уходѣ отряда Исаева изъ Сербіи, предстояло ожидать сильнаго наступленія турокъ, какъ изъ Босніи, такъ и отъ Ниша, гдѣ 14-го октября читался султанскій фирманъ о томъ, что «предстоитъ война рѣшительная. «Боснійскому пашѣ было повелѣно прежде Рамазана прислать въ Константинополь ключи Бѣлграда, иначе лишится головы своей» (2).

Наступленіе изъ Босніи дѣйствительно повторялось все настойчивѣе. Черный-Георгій обратилъ къ Дринѣ почти все свои войска. Кромѣ перехода Дрины у Мачева и при Сикиричѣ, значительный отрядъ турокъ направился къ Соколу, на отрядъ протопопа Ненадовича, который отбросилъ ихъ за Дрину. вмѣстѣ съ тѣмъ, 15,000 турокъ, выбивъ въ разныхъ мѣстахъ сербовъ изъ занимаемыхъ ими шанцевъ, разослали партіи внутрь страны и стали жечь селенія. До 12,000 сербовъ собралось

(1) Временно, до прибытія князя Прозоровскаго, вступившему въ командованіе дунайскою арміею, послѣ смерти Михельсона, послѣдовавшей 19-го августа.

(2) Родофиникинъ князю Прозоровскому 20-го октября 1807 г.

въ окрестностяхъ Сокола. Бэнъ-Новокрещенцевъ, офицеръ русской службы, руководилъ дѣйствіями сербовъ. Онъ раздѣлилъ ихъ на три части. Одной велѣлъ переправиться черезъ Дрину, ниже Сокола, вступить въ Боснію и зажечь турецкія селенія; когда покажется пожаръ, часть сербовъ направится во флангъ, а съ третьєю Новокрещенцевъ ударитъ на центръ непріятельской позиціи. Эти распоряженія были выполнены въ точности. Какъ только показался за Дриною пожаръ, турки бросились спасать свои жилища. Тогда сербы открыли общее наступленіе и уничтожили многихъ турокъ на переправѣ. получивъ въ добычу до 15,000 головъ рогатаго скота, 100 овецъ и до 300 лошадей.

Черный-Георгій, узнавъ о разбитіи турокъ, возвратился назадъ, въ свою деревню (¹).

Наступало суровое, осеннее время, когда турки неохотно ведутъ войну. Къ тому же, послѣдніе успѣхи сербовъ внушили Портѣ мысль сдѣлать снова попытку достигнуть съ ними замиренія. Поэтому 13-го ноября прибылъ изъ Константинополя въ Бѣлградъ митрополитъ Авксентій съ письмами къ Черному-Георгію и бѣлградскому митрополиту, подписанными константинопольскимъ патріархомъ; въ письмахъ этихъ «приглашаются сербы къ покорности, съ обѣщаніемъ милости и забвенія прошедшаго. Словесно же митрополитъ объявилъ, что султанъ соглашается дать землѣ сей такое устройство, какое пожелаютъ сербы». Сербы вполне довѣряли Родофиникину и обратились къ нему съ вопросомъ: что имъ дѣлать? Родофиникинъ сказалъ, что такой важный вопросъ не можетъ быть рѣшенъ иначе, какъ народнымъ собраніемъ. «Совѣтъ сербскій, доносилъ Родофиникинъ, предалъ дѣло сіе моему сужденію, и я надѣюсь, что старѣйшины его дадутъ отвѣтъ, который вашему сіятельству угодно будетъ мнѣ прислать» (²).

Князь Прозоровскій, имѣя въ виду, что въ Парижѣ начались уже переговоры о мирѣ съ Турціей, совѣтовалъ отвѣчать, «что они (сербы) султанское предложеніе пріемлютъ съ чувствительною признательностью и съ благодарностью согласились бы воспользоваться его милостью, но, сказано далѣе въ отвѣтѣ, «мипущія военныя дѣйствія неизбѣжно должны были породить между турками многихъ враговъ сербскаго народа за тѣ опустошенія, какія произведены войною, и за лишеніе родственниковъ, погибшихъ на войнѣ. Поэтому сербы только тогда могутъ себя считать гарантированными отъ возможнаго мщенія со стороны турокъ,

(¹) Родофиникинъ князю Прозоровскому 20-го октября 1807 г. Архивъ мин. иностр. дѣлъ.

(²) То же, 14-го ноября 1807 г.

когда Императоры Россіи и Франціи вринуть на себя ручательство въ ихъ безопасности. Сверхъ того, распустивъ въ настоящее время свои войска, «сербы не въ состояніи будутъ защищать себя и семействъ своихъ отъ конечнаго несчастія и гибели». Получивъ же требуемую гарантію, сербы «въ состояніи тогда будутъ пребыть вѣрными подданными Порты» (1).

Въ письмѣ къ Черному-Георгію, отъ того же 29-го ноября, князь Прозоровскій, между прочимъ, говоритъ: «Увѣрьте храбрый народъ сербскій въ милостивомъ покровительствѣ Всеавгустѣйшаго моего Монарха, который нечется о благѣ сего народа, и при постановленіи мирнаго трактата съ Портою Отоманскою, при посредничествѣ императора Наполеона, не упуститъ изъ вида ничего, что только можетъ назидать благоденствіе вашей земли». Согласно желанію князя Прозоровскаго, народный сербскій совѣтъ отвѣчалъ митрополиту Авксентію, какъ было ему внушено.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, князь Прозоровскій въ концѣ декабря 1807 года отправилъ Черному-Георгію въ личное его распоряженіе, на нужды войскъ, 5,000 червонцевъ, 500 пудовъ пороха и 700 пудовъ свинца, которые съ лѣваго берега Дуная перевозились въ Орсову въ ящикахъ, принимавшихся австрійской стражей за пожитки сербовъ, возвращавшихся на родину послѣ прекращенія тамъ военныхъ дѣйствій (2).

Между тѣмъ, уклончивый отвѣтъ сербскаго совѣта на предложеніе Порты побудилъ послѣднюю рѣшиться сломить силою сопротивленіе Сербіи. Въ этихъ видахъ, въ концѣ 1807 года, пашою въ Нишъ былъ назначенъ Гусейнъ-Али, непримиримый врагъ сербскаго народа. Сербы были очень встревожены ожидавшею ихъ участью. Черный-Георгіи собралъ военный совѣтъ, въ заключеніе котораго сказалъ Родофиникину, какъ представителю Россіи: «Султанъ предлагалъ мнѣ 200,000 пиастровъ, съ тѣмъ, чтобы я оставилъ сербовъ и перешелъ въ Австрію для жительства: я на то не согласился, ибо не хотѣлъ оставить братью свою. Султанъ предлагалъ мнѣ потомъ прощеніе тѣмъ сербамъ и вольность, подъ его верховною властью управляться намъ самимъ собою; вы приказали на то не согласиться: я выполнилъ. Теперь вся участь сербовъ зависитъ отъ Царя нашего Александра: что скажете—то выполнится. Но я клянусь Богомъ, что Черный-Георгіи не увидитъ ту-

(1) Князь Прозоровскій Родофиникину 29-го ноября 1807 г. Архивъ мип. иностр. дѣлъ.

(2) Князь Прозоровскій графу Румянцеву, отъ 23-го декабря 1807 года.

рокъ въ своей землѣ, ибо не иначе пройдутъ они, какъ чрезъ его тѣло» (1).

Начались дѣятельныя сношенія сербовъ съ боснійскими христіанами, которые готовились выставить у Банялуки до 15,000 человекъ, съ тѣмъ, чтобы идти на соединеніе съ сербами, если получатъ порохъ и свинець. Однако князь Прозоровскій велѣлъ успокоить сербовъ тѣмъ, что ранѣе апрѣля 1808 года турки ничего рѣшительнаго не предпримутъ, и совѣтовалъ сербамъ оставаться спокойными, чтобы не дать неприятелю повода начать противъ нихъ военныя дѣйствія. Турки, дѣйствительно, ничего болѣе не предпринимали въ 1807 году противъ сербовъ, какъ это было выговорено уполномоченными, переговаривавшимися въ Парижѣ.

Въ ожиданіи возобновеніи новой борьбы съ Турціей, русское правительство снабдило сербовъ 6000 червонцевъ и 30,000 ружей, купленныхъ въ Вѣнѣ. Но Австрія, дозволивъ вывезти купленные въ ней ружья, прямо оговорила, чтобы они не были отправлены къ сербамъ. Поэтому всѣ ружья были сперва доставлены въ нашу армію, и уже потомъ часть ихъ отправлена въ Сербію.

Независимо отъ того, Черный-Георгій обратился къ австрійскому эрцъ-герцогу Карлу съ просьбою о снабженіи его порохомъ и свинцомъ. Не видя въ этомъ ничего предосудительнаго, Императоръ Александръ — «призналъ, однако нужнымъ, чтобы во всякомъ случаѣ надзираемо было, дабы между ними (сербами) и австрійцами не открылось-бы какихъ либо другаго рода сношеній, не согласныхъ съ нашими видами».

Слѣдовало быть тѣмъ болѣе осторожнымъ, что съ нѣкотораго времени было замѣчено ослабленіе довѣренности Чернаго-Георгія къ Родофинкину. Черный-Георгій, не смотря на все оказанное ему русскимъ правительствомъ покровительство и матеріальную помощь, искалъ еще покровительства Австріи. Въ январѣ 1808 года извѣстные сербскіе интриганы: Младенъ, Милое, Суццо и другіе, желая разсорить Чернаго-Георгія съ русскимъ правительствомъ, уговорили его обратиться къ австрійскому эрцъ-герцогу Карлу съ письмомъ, въ которомъ выражалась благодарность «за оказанныя имъ сербамъ милость и покровительство» и просьба отпустить изъ Австріи, за деньги, порохъ, свинець, ядра и бомбы, такъ какъ Россія «хотя и прислала имъ эти припасы, и прислала бы еще, но дальность разстоянія и трудность коммуникаціи содѣлываютъ теперь сіе невозможнымъ» (2).

(1) Родофинкинъ князю Прозоровскому, № 417. Архивъ мин. иностр. дѣлъ.

(2) Родофинкинъ князю Прозоровскому отъ 15-го января 1808 г. Prosofovsky 1808 г. Архивъ мин. иностр. дѣлъ.

Кромѣ желанія поссорить русское правительство съ сербами, интриганы, окружавшіе Чернаго-Георгія, имѣли въ виду еще и корыстныя цѣли. По случаю перемѣны калибра ружей въ австрійской арміи, Милошъ скупилъ за безцѣнокъ какъ старыя австрійскія ружья, такъ и патроны къ нимъ, и образовалъ изъ нихъ складъ въ Землинѣ. Нужно было теперь продать эти ружья и патроны дорогою цѣною сербамъ. И вотъ устроивается посылка Милоша въ Вѣну съ письмомъ къ эрцгерцогу Карлу. Само собою разумѣется, что Милошъ имѣлъ въ виду, возвратясь изъ Вѣны, объявить, что эрцгерцогъ Карлъ очень сочувственно будто-бы отнесся къ просьбѣ сербовъ и приказалъ выдать Милошу значительное количество ружей для продажи сербамъ по означенной, очень дорогой, цѣнѣ. Что поэтому ружья необходимо купить, опасаясь, въ противномъ случаѣ, вооружить противъ сербовъ эрцгерцога Карла, съ которымъ Милошъ даже и не видѣлся. Въ это же время прибылъ въ Бѣлградъ извѣстный русскій, полковникъ маркизъ Паулучи. Милошъ рипустилъ слухъ, что Паулучи французскій шпіонъ, и предлагалъ народу убить его, имѣя въ виду ту же цѣль—вызвать неудовольствіе русскаго правительства противъ сербовъ. Паулучи дѣйствительно подвергался опасности быть убитымъ, тѣмъ болѣе, что онъ ни слова не зналъ по русски. Онъ спасся только тѣмъ, что потребовалъ, чтобы его отправили къ Черному-Георгію, который лично зналъ его, по прежней его побѣздкѣ въ Сербію. Вскорѣ по отъѣздѣ Милоша въ Вѣну, Черный-Георгій послалъ попросить къ себѣ Родофиникина. «Я напелъ вождя сербскаго,—доносить Родофиникинъ князю Прозоровскому отъ 15-го января 1808 г.,—погруженнаго въ крайнее уныніе, въ каковомъ я его еще никогда не видалъ.—«Я хочу оставить Сербію, сказалъ Черный-Георгій; я не могу и не умѣю оною управлять. Мое ремесло—воевать съ турками, а другихъ дѣлъ не понимаю».

Черный-Георгій жаловался на своихъ поглаварей (воен. начальниковъ), которые требовали установленія новаго налога съ народа. «Я на сіе никакъ согласиться не могу, сказалъ Черный-Георгій, ибо народъ насъ всѣхъ убьетъ, и правильно». Затѣмъ, Черный-Георгій прибавилъ: «научи меня, что мнѣ дѣлать»? Родофиникинъ рѣшился высказаться, ничѣмъ не стѣсняясь. «Прискорбно мнѣ видѣть, сказалъ онъ, что всѣ ваши дѣянія стремятся болѣе къ разстройству, нежели къ введенію порядка. Совѣтамъ моимъ вы слѣдуете одинъ день, а на другой дѣлаете противное—ко вреду лично вашему и народа». Родофиникинъ упрекалъ его въ покровительствѣ извѣстному интригану Младену и его шайкѣ, которая ни во что не ставила сенать.

Затѣмъ, Родофиникинъ сказалъ, что всѣ эти дѣйствія онъ объяс-

няеть себѣ опасеніемъ, которое интриганы внушили Черному-Георгію, что русскіе захватятъ власть надъ Сербіей, и тогда никто не станетъ признавать его вождемъ народа, и что Родофиникинъ продастъ сербовъ.

— Неужели, продолжалъ онъ, вы, понынѣ, не узнали безкорыетія Россіи, и что единственно вашего благосостоянія она желаетъ? По требованію-ли Россіи вы возстали противъ турокъ?—Нѣтъ. Оказали-ли вы какія услуги Россіи?—Никакихъ.

Между тѣмъ Родофиникинъ указалъ на то, что Россія сильно противилась нежеланію турокъ распространить на сербовъ слободзейское переміріе, посылала имъ значительныя суммы и военные припасы и отправила даже въ Сербію отрядъ своихъ войскъ, съ генераломъ Исаевымъ.

— Что-же касается до продажи Сербіи, сказалъ Родофиникинъ, то увѣряю васъ, что никто за васъ не дастъ и одной пари (вопѣйка), ибо безъ воли первыхъ въ Европѣ державъ никто васъ не купитъ; а когда сіи захотятъ отдать васъ тому или другому,—не спросятъ ни совѣта вашего, ни согласія, зная, что вы въ томъ ни малѣйшую препону поставить не можете, ибо Сербія предъ великими державами то же значить, какъ капля воды передъ моремъ.

Поэтому Родофиникинъ замѣтилъ, что все спасеніе Сербіи зависитъ отъ Императора Россіи.— «Вы же писали къ эрцъ-герцогу Карлу, въ противность моего представленія. Итакъ, скажите, какой я вамъ совѣтъ могу дать, когда вы онымъ не слѣдуете?» Затѣмъ, Родофиникинъ прибавилъ: «Совѣтъ мой тотъ, чтобы вы были спокойны и не тревожились поминутно, чтобы не слушали и не поддавались на нелѣпыя внушенія вамъ дѣлаемыя и, сказанное единожды, не перемѣняли-бы, развѣ докажется, что вредно». Черный-Георгій искренно обѣщалъ слушаться впредь совѣтовъ Родофиникина. Смѣнить же Младена (коменданта Бѣлграда) и его креатуру Милое не рѣшался, такъ какъ они имѣютъ за себя сильную партію. (1)

Находясь въ Бѣлградѣ, Черный-Георгій почти каждый день получалъ какія либо тревожныя вѣсти, доводимыя до него интриганами, чтобы еще болѣе смутить его и искать опоры внѣ Россіи, зная впередъ, что, кромѣ нея, никто Сербіи не поможетъ, а это водворитъ въ ней желаемое господство произвола и наживы. Чтобы избавить Черного Георгія отъ этихъ злонамѣренныхъ слуховъ, Родофиникинъ посовѣтовалъ ему переѣхать изъ Бѣлграда въ его любимое помѣстье Тополь.

Князь Прозровскій не могъ не замѣтить, что въ Сербіи становится слабѣе довѣріе къ русскимъ. Въ то время, какъ еще недавно и на-

(1) Архивъ мин. иностр. дѣлъ. Prozorovsky 1808 г. № 134.

родъ сербскій, и самъ Черный-Георгій возлагали всю надежду только на Россію, обращеніе къ эрцъ-герцогу Карлу заставляло думать, что есть причины искать поддержки въ Австріи, къ которой, какъ доносили еще недавно Родофиникинъ, «сербы имѣютъ совершенное отвращеніе».

Вліяніе самого Родофиникина, какъ можно было замѣтить, сильно пошатнулось. Желая, помимо Родофиникина, имѣть свѣдѣнія о сербскихъ дѣлахъ, князь Прозоровскій, предписаніемъ отъ 5-го февраля 1808 г. къ генералу Исаеву, приказалъ ему разузнать, самымъ секретнымъ образомъ, о томъ, что происходитъ въ Сербіи и «не подалъ ли и самъ г. Родофиникинъ повода къ тому, что вліяніе его ослабѣло?»

Не касаясь личности Родофиникина, достаточно замѣтить, что онъ былъ родомъ грекъ. Между тѣмъ сербы, выражая свою просьбу маркизу Паулучи, просили прислать имъ чиновниковъ, но только не изъ грековъ. — «Вотъ, писалъ князь Прозоровскій къ графу Румянцеву, отъ 13-го февраля, можетъ быть и причина всѣхъ настоящихъ раздоровъ въ Бѣлградѣ и недовѣрчивости къ г. Родофиникину».

Генералъ Исаевъ, хорошо знакомый съ характеромъ сербовъ и еамого Чернаго-Георгія, пользуясь, къ тому же, дружбою Миленко Стойковича, лучшаго патріота въ Сербіи, которому были извѣстны всѣ внутреннія дѣла страны, писалъ князь Прозоровскому, отъ 11-го февраля 1808 г., какъ о сербскихъ дѣлахъ, такъ и лично о Черномъ-Георгіѣ: «Онъ есть человекъ безъ всякаго просвѣщенія, изъ самаго низкаго состоянія. Случай и счастье, болѣе же страхъ свирѣпаго характера (ибо за неповиновеніе или малѣйшее ослушаніе самъ рубилъ головы, что и понынѣ продолжаетъ дѣлать)—возвели его на степень вождя народа сербскаго, котораго, какъ мнѣ кажется, носитъ одно имя».

Каждый сербскій начальникъ войскъ или комендантъ имѣетъ своихъ тѣлохранителей, готовыхъ отстоять своего начальника противъ каждаго, не исключая и Чернаго-Георгія. Поэтому послѣдній безсиленъ противъ богатыхъ и сильныхъ и можетъ наказывать только слабыхъ.

Впрочемъ онъ «пользуется уваженіемъ всѣхъ вообще, ибо народъ къ нему довольно приверженъ. Георгій самолюбивъ, жестокъ, знакомъ съ ракією и виномъ, часто употребляетъ оное и слишкомъ простъ, что бы человекъ, побуждаемый собственными выгодами и съ малою хитростью и умомъ, не могъ его въ чемъ увѣрить».

Понятно, что такая личность, какъ хитрый Младенъ и его сторонники Милое, Суццо и другіе, сильно могли вліять на Чернаго-Георгія, который, впрочемъ, былъ противъ нихъ безсиленъ, такъ какъ они нажились поставками и воровствомъ и могли нанять себѣ приверженцевъ.

Что-же касается народа сербскаго, то онъ, по прежнему, былъ преданъ Россіи и только въ ней видѣлъ свое спасеніе.

Младенъ, предсѣдательствуя въ сенатѣ другихъ членовъ заставляя только подписывать.

При нравственной неустойчивости Чернаго-Георгія, такъ легко подававшася вліянію окружавшихъ его лицъ, на Родофиникинѣ лежала не легкая задача парализовать эти вредныя вліянія, чтобы не допустить народъ отклониться отъ преданности къ Россіи и не позволить ему искать защиты у Австріи.

Съ этою цѣлью онъ указывалъ, при всякомъ случаѣ, на то, что въ то время, какъ Австрія продавала хлѣбъ Турціи, 29-го декабря 1807 г., въ Будѣ была объявлена прокламація: «запрещается въ имперіи его императорскаго величества и короля продавать всякаго рода продовольственные припасы сербскимъ инсургентамъ, какъ мятежникамъ ихъ законному государю».

Съ своей стороны, князь Прозоровскій, въ письмѣ къ графу Румянцеву отъ 8-го апрѣля 1808 г., высказываетъ мысль — «что слѣдуетъ дѣйствовать на сербскихъ архіереевъ и старѣйшинъ, выдавая имъ награды». Но, не смотря на всѣ старанія Родофиникина, Черный-Георгій не переставалъ безпокоиться. Съ одной стороны, онъ зналъ, что отъ Россіи въ настоящее время нельзя ожидать помощи войсками, тогда какъ въ началѣ марта 1808 г. на границахъ Сербіи снова начали сосредоточиваться значительныя турецкія силы.

Въ Нишѣ собралось до 9,000 турокъ. На Дринѣ турки возвели въ двухъ мѣстахъ укрѣпленія, очень обезпокоившія сербовъ. Получено извѣстіе, что близъ Тимока турки прервали перемиріе и напали на постъ воеводы Волько.

Сербскій народъ не раздѣлялъ воззрѣній Чернаго-Георгія, сомнѣвавшася въ Россіи и искавшаго сближенія съ Австріей. Напротивъ того, Родофиникинъ писалъ князю Прозоровскому отъ 2-го марта 1808 г. «Они (сербы) знаютъ, что ваше сіятельство болѣе о сербахъ имѣете попеченіе, нежели можетъ имѣть отецъ о своихъ дѣтяхъ».

Но сербскій вождь, убѣждаемый окружавшими его интриганами, рассчитывалъ болѣе на Австрію, которая теперь употребляла и угрозы, и обѣщанія, чтобы усилить свое вліяніе въ Сербіи. Съ этою цѣлью, австрійскій генералъ Симбшенъ, какъ бы по личной инициативѣ, устроилъ 23 го марта 1808 г. свиданіе съ Чернымъ-Георгіемъ, причемъ сказалъ ему, что «если сербы общаются бытъ вѣрными австрійскому дому исключительно, тогда не только дастся имъ, безденежно, порохъ, олово, ружья и пушки, но приплюются къ нимъ и солдаты, и офицеры для

обученія сербовъ; равномѣрно дадутся займообразно и деньги, сколько бы Черный-Георгій ни потребоваль». Затѣмъ, Симбшенъ доказывалъ, что надѣяться на Россію нельзя: — «она васъ уже одинъ разъ обманула: русскіе были въ Сербіи и потомъ, оставивъ васъ, отошли въ Валахію. На дружбу же Россіи съ Франціей нимало не полагайтесь, потому что это мечтательная дружба».

Трудно сказать, дѣйствовалъ ли Симбшенъ по собственному побужденію, или же по указаніямъ вѣнскаго двора. Во всякомъ случаѣ, несомнѣнно, что Австрія пыталась поколебать довѣріе сербовъ къ Россіи и желала привлечь ихъ на свою сторону. Къ тому же обѣщаніе дать Черному-Георгію, *займообразно*, какую угодно сумму наводитъ на мысль, что имѣлось въ виду сдѣлать или *подкупъ*, или *куплю*, такъ какъ Сербія, не имѣя возможности уплатить долгъ, должна была бы полатиться своими владѣніями. Поэтому, увидя Родофиникина, Черный-Георгій сказалъ ему: «Я понимаю тецерь намѣреніе ихъ (австрійцевъ) и не дамся имъ въ обманъ».

Потерявъ надежду на помощь Австріи и понявъ, къ чему вели ея заигрыванія съ Сербіей, Черный Георгій убѣдительно просилъ прислать въ Бѣлградъ русскій гарнизонъ. — «Тогда, сказалъ онъ поглаварямъ, я буду знать, какъ васъ исправить». Признавая всю пользу занять Бѣлградъ русскими войсками, князь Прозоровскій, тѣмъ не менѣе, въ письмѣ къ Черному-Георгію отъ 8-го апрѣля 1808 г. пишетъ, что «въ настоящее время сдѣлать этого нельзя, такъ какъ турки не подали Россіи повода прервать перемиріе, хотя срокъ его и истекъ».

Вмѣстѣ съ тѣмъ, Черный-Георгій сказалъ Родофиникину, что если не всегда слѣдовалъ его совѣтамъ, то только потому, что поглавари его обманывали и старались вооружить противъ русскаго повѣреннаго. Теперь же, говорилъ онъ при всякомъ случаѣ, «дѣлай какъ знаешь, я буду доволенъ; а когда время придетъ, пойдемъ, куда укажешь, на непріятеля» (1).

Такимъ образомъ, убѣдясь въ затаенныхъ намѣреніяхъ Австріи *купить* Сербію, Черный-Георгій сталъ снова искренно на сторонѣ Россіи. Замѣчательно, что всякій разъ, какъ только Черный-Георгій склонялся на сторону Австріи, его популярность сильно падала въ Сербіи. Напротивъ того, власть его была почти безгранична, когда онъ твердо держался Россіи, возбуждая лишь противъ себя интригановъ, этихъ злѣйшихъ враговъ своей родины.

(1) Родофиникинъ князю Прозоровскому. 26-го марта 1808 года. Архивъ мн. иностр. дѣлъ.

Зная, что Черный-Георгій теперь твердо держится одной Россіи, интриганы Младенъ и Милое составили заговоръ противъ Чернаго-Георгія.

3-го апрѣля, сербскій народный совѣтъ, предводимый Младеномъ, собрался къ Родофиникину, и Младенъ началъ говорить за всѣхъ. Онъ сказалъ, что—«въ надеждѣ скорой перемены и изъ любви къ миру, мы скрывали отъ всѣхъ неспособность Чернаго-Георгія для управления землею; но теперь крайность заставляетъ прибѣгнуть и просить совѣта у представителя Россіи».

Младенъ упрекалъ Чернаго-Георгія «въ непостоянствѣ характера, легковѣрїи, наклонности къ пьянству и злобѣ, питаемой имъ противъ всѣхъ, кои кажутся ему умнѣе или пользующимися довѣріемъ народа, отчего жизнь всѣхъ находится въ непрерывной опасности». Затѣмъ члены совѣта, руководимаго тѣмъ же Младеномъ, объявили намѣреніе вооружиться и рассмотреть, что нужно предпринять—«для избавленія отечества отъ зла, могущаго произойти отъ поведенія Кара-Георгія».

Младенъ, видимо, самъ рассчитывалъ быть избраннымъ въ народные вожди, что было бы очень не желательно въ интересахъ Россіи. Поэтому Родофиникинъ сказалъ собранію, что онъ готовъ исправить всѣ послѣдствія поступковъ Чернаго-Георгія; но что ежели вопросъ идетъ о томъ, чтобы сложить съ него званіе народнаго вождя, то Черный-Георгій тотчасъ же вступить съ войсками въ Бѣлградъ и перерѣжетъ всѣхъ возставшихъ противъ него; къ тому же и русскія войска не замедлятъ явиться въ Бѣлградъ для усмиренія бунтовщиковъ. Эти доводы подѣйствовали. Совѣтъ присмирѣлъ, а Родофиникинъ отправился къ Черному-Георгію въ деревню (1).

Зная о внутреннихъ несогласіяхъ въ Сербіи, Австрія ловко волновала умы, съ цѣлью подорвать довѣріе сербовъ къ Россіи. «Австрійцы, доносятъ Родофиникинъ князю Прозоровскому, отъ 25-го апрѣля 1808 г., не перестаютъ возмущать умы здѣшняго народа, поглаварей и Чернаго-Георгія. Секретарь Чернаго-Георгія, прежде очень искренній съ Родофиникинымъ, теперь замѣтно переменялся къ нему. Не сомнѣваюсь нисколько, доносить послѣдній, чтобы онъ не получилъ уже хорошаго подарка отъ австрійцевъ. Положеніе мое со дня на день становится здѣсь тягостнѣе. При внутреннихъ несогласіяхъ и волненіяхъ, всѣваемыхъ австрійцами, недовѣріе къ намъ и лестныя обнадеживанія легко могутъ ввести сербовъ въ обманъ и заставить поддаться на шагъ, колико для нихъ вредный, толико и интересамъ нашимъ и славѣ противный. Не

(1) Родофиникинъ князю Прозоровскому. 7-го апрѣля 1808 г. Архивъ мин. иностр. дѣлъ.

знаю, будутъ-ли старанія мои успѣшны, имѣя дѣло съ людьми легкомысленными, легковѣрными и притомъ много о себѣ думающими» (1).

Генераль-лейтенантъ Симбшенъ не ограничился первымъ свиданіемъ съ Чернымъ-Георгіемъ на Дринѣ. Онъ сносился съ сербскимъ вождемъ, приглашая его пріѣхать для новыхъ переговоровъ. Черный-Георгій отвѣчалъ Симбшену, что онъ готовъ устроить свиданіе, но только попозже; показалъ Родофиникину свое отвѣтное письмо и сказалъ, «что безъ его вѣдома и совѣта ничего не хочетъ дѣлать». Черный-Георгій дѣйствительно видѣлъ теперь свою защиту только въ Россіи, въ лицѣ ея представителя въ Бѣлградѣ. Едва предупредивъ готовившуюся революцію въ Сербіи, Родофиникинъ снова долженъ былъ защищать Чернаго-Георгія, который, «убивъ на дняхъ безвинно одного игумена, сказалъ въ пьяномъ видѣ, что придетъ время удобное, когда его совѣтники, Младенъ и другіе его товарищи, не избѣгутъ участи, которую я имъ готовлю». Слова эти дошли по назначенію. Младенъ и компанія очень встревожились и отъ имени сербскаго народнаго совѣта просили князя Прозоровскаго «удалить Чернаго-Георгія, согласно съ желаніемъ здѣшнихъ поглаварей». «Хотя, доносилъ Родофиникинъ князю Прозоровскому, отъ 25 го апрѣля, удалить Чернаго-Георгія и не трудно, но человекъ сей не способенъ для управленія землею и хотя трудно воздержатъ его отъ преступленій, необходимо однако нуженъ въ землѣ сей, ибо единая его свирѣлость и неразборчивость въ средствахъ можетъ держать подобныхъ ему разбойниковъ, разсѣянныхъ въ Сербіи и управляющихъ дѣлами или войскомъ».

Въ просьбѣ сербскаго народнаго совѣта къ князю Прозоровскому, отъ 25-го апрѣля 1808 года, продиктованной Младеномъ, врагомъ Чернаго-Георгія, послѣдній описывается въ самыхъ черныхъ краскахъ, и выражается просьба *смыть его*. Но, чтобы смѣна Чернаго-Георгія не вызвала международной въ Сербіи войны, народный совѣтъ просилъ «удалить отъ насъ благовиднымъ образомъ настоящаго нашего вождя» (2). Многое сказанное въ этой жалобѣ было справедливо; но несомнѣнно также, что неудовольствіе противъ Чернаго-Георгія возбуждалось тѣмъ, что онъ слишкомъ сурово, когда только могъ, каралъ разныхъ хищниковъ, обиравшихъ народъ. Поэтому, удалить Чернаго-Георгія изъ Сербіи значило предать ее еще большому произволу и насилию разбогатѣвшихъ интригановъ.

Князь Прозоровскій, не отвѣчая сербскому совѣту на его просьбу

(1) Reception, 1808, № 228. Prozorovsky. Архивъ мин. иностр. дѣлъ.

(2) Тамъ же, № 228. F.

о смѣнѣ Чернаго-Георгія, поручилъ Родофиникину передать совѣту, что онъ, князь Прозоровскій, съ крайнимъ приискорбіемъ видитъ, что усилія Россіи водворить внутренній порядокъ въ Сербіи еще не достигли цѣли. «Верховный вожь народный, собственно ими избранный, во все время его предводительства, храбростью и благоразуміемъ своимъ защитилъ землю и народъ отъ разоренія и тѣмъ самымъ пріобрѣлъ себѣ право на почтеніе, уваженіе и признательность соотчичей. До заключенія мира всякая перемѣна въ образѣ правленія земли, а паче столь имени-таго полководца, должна неминуемо быть для нея пагубна» (1).

Основываясь на извѣстныхъ уже фактахъ, князь Прозоровскій не безъ основанія предполагалъ, что главную причину внутренней распри въ Сербіи нужно искать въ интригахъ Австріи, почему смѣна Чернаго-Георгія, не подававшася внушеніямъ австрійцевъ, могла быть крайне вредна какъ для самой Сербіи, такъ и для Россіи. Интриги австрійцевъ дѣйствительно не прекращались и были бы еще успѣшнѣе, «если-бы, доносить Родофиникинъ, они лучше знали внутреннее здѣшнее положеніе и нравственность каждаго поглаваря».

Генераль Симбшенъ все еще ожидалъ Чернаго-Георгія къ себѣ для соглашеній. Родофиникинъ убѣдилъ послѣдняго, что ему неприлично ѣздить на свиданіе съ каждымъ нѣмцемъ, а лучше послать вмѣсто себя своего секретаря Стефу и совѣтника Младена, которые ненавидѣли другъ друга. «Мыѣ можно быть спокойнымъ, говорилъ Родофиникинъ, что они, будучи вмѣстѣ, ничего противнаго не предпримуть». 8-го мая эрцъ-герцогъ Людвигъ и генераль Симбшенъ пріѣхали въ Землинъ для переговоровъ съ Чернымъ-Георгіемъ. Но, видя вмѣсто него его уполномоченныхъ, отправились осматривать границу, назначивъ для переговоровъ землинскаго коменданта Перша, подполковника Станиславевича, бургомистра Аджика и купца Милоша, которые 10-го числа и открыли совѣщанія, предлагая сербамъ «написать прошеніе австрійскому императору, коимъ, повергая себя подъ его защиту, требовать присылки сюда (въ Сербію) эрцъ-герцога Карла для предводительства ими, и чтобы притомъ прислали имъ пушки и всякаго рода воинскихъ снарядовъ, какъ равно и денегъ, сколько желаютъ, ибо ни въ чемъ имъ отказано не будетъ». Австрійскіе повѣренные обѣщали, «что Младенъ будетъ въ такомъ случаѣ пожалованъ графомъ, секретарь Стефа—барономъ, а Черный-Георгій—княземъ и фельдмаршаломъ австрійскимъ. Прочіе же поглавари, по мѣрѣ достоинства ихъ, получаютъ также награжденіе». Стефа и Младенъ отвѣчали, что писать о принятіи сербовъ подъ по-

(1) Тамъ же. Reception 1808, № 228. Н.

кровительство Австріи они не имѣютъ права, и просили, чтобы австрійскіе уполномоченные изложили письменно свои предложенія и обѣщанія. На это, конечно, согласія не послѣдовало. 12-го мая снова начались переговоры, причѣмъ австрійцы предлагали ввести свои войска въ Сербію для ея защиты, такъ какъ скоро могутъ начаться военныя дѣйствія, и турки уничтожатъ Сербію. «Мы не страшились турокъ, когда были одни, отвѣчалъ Стефа, а кольми паче теперь ихъ не опасаемся, состоя подѣ защитою російской арміи».

Сербы нарочно затягивали переговоры, съ цѣлью закупить прибывшій въ это время изъ Австріи хлѣбъ. Поэтому они отложили окончательный отвѣтъ до 17-го числа, хотя заранѣе рѣшились отказать австрійцамъ самымъ положительнымъ образомъ. Съ своей стороны, австрійцы, для демонстраціи при землинскихъ совѣщаніяхъ, придвинули къ Землину цѣлую армію, до 20,000 челов., съ понтоннымъ паркомъ.

Хотя и нельзя было ожидать, что Австрія рѣшится ввести свои войска въ Сербію, тѣмъ не менѣе демонстрація эта обращала на себя вниманіе и требовала разъясненій. Еслибы сербы рѣшились обратиться къ Австріи за помощью, 20,000 австрійцевъ перешли бы Саву для того, чтобы не возвращаться уже изъ Сербіи, а остаться въ ней навсегда.

Кара-Георгій, получивъ извѣстіе о приближеніи австрійцевъ, приказалъ усилить гарнизоны въ Шабацѣ и Семендріи, намѣреваясь защищаться до послѣдней крайности, и просилъ русскихъ о помощи. Въ просьбѣ совѣта сербскаго, отъ 14-го мая, сказано: «Открыли мы злые замыслы ихъ (австрійцевъ), клонящіеся къ порабощенію насъ». Хотятъ они занять сербскія крѣпости своими гарнизонами и придать дѣлу такой видъ, будто бы «мы сами о томъ просили австрійскій дворъ». «Между тѣмъ, сказано далѣе, дошли сюда вѣрныя извѣстія, что австрійцы, если не согласимся добровольно предать имъ наше отечество, искупленное отъ порабощенія кровью нашею и дѣтей нашихъ, намѣрены вооруженною рукою занять оное». Прося помощи, сербы выражаютъ готовность защищаться до послѣдней крайности (1).

Въ отвѣтъ на эту просьбу князь Прозоровскій писалъ сербскому совѣту, отъ 19-го мая 1808 года, что лучшее средство избѣжать для сербовъ опасеній со стороны Австріи—это «уклониться отъ всякихъ сношеній съ австрійцами, пецись о внутреннемъ устройствѣ земли и обработываніи полей, дабы на будущее время не быть принужденными искать пособій въ чужеземцахъ. Дружественныя связи, существующія и

(1) То же, № 232. В.

доселѣ между августѣйшимъ дворомъ нашимъ и императоромъ австрійскимъ, удостовѣряютъ меня, что отъ сего послѣдняго не будетъ учинено никакого непріятельскаго нападенія на Сербію и что войска австрійскія не войдутъ въ крѣпости сербскія, развѣ когда сербы, упустья изъ вида пользу своего отечества, добровольно оныя примутъ» (1).

Но еще до полученія этого письма Черный-Георгій, какъ только получилъ извѣстіе о намѣреніи австрійцевъ вступить въ Сербію, приказалъ всѣмъ поглаварямъ вести свои войска къ Бѣлграду, куда и самъ готовился идти съ 12,000 отборнаго войска. Не малаго труда стоило Родофиникину успокоить Чернаго-Георгія и увѣрить, что австрійцы собрались на Савѣ для маневровъ, и никогда не посмѣютъ вступить въ Сербію. Этимъ только и была предупреждена возможность столкновенія съ австрійцами, что, благодаря пылкости *Чернаго-Георгія*, неизбежно произошло бы.

«Паническій страхъ, доносилъ Родофиникинъ, отъ 19-го мая, объялъ совершенно сердца сербовъ по случаю движеній австрійцевъ. Умы поглаварей встревожились до крайности и сдѣлались совершенно неспособными къ здравымъ разсужденіямъ. Я еле могу удержать ихъ въ предѣлахъ наружной благопристойности».

Черный-Георгій, въ письмѣ къ Родофиникину, отъ 17-го мая, прямо говоритъ, что приказалъ войскамъ всѣхъ нахій идти къ Савѣ для обороны границы, а самъ съ 10,000 человекъ хотѣлъ перейти на лѣвый берегъ Савы, въ австрійскія владѣнія, и ударить въ тылъ австрійцамъ. Только по полученіи письма отъ Родофиникина онъ отмѣнилъ свои распоряженія, приказавъ, однако, всѣмъ войскамъ быть въ полной готовности къ выступленію, а часть войскъ перевелъ въ Бѣлградъ, подъ предлогомъ очистки города отъ нечистотъ.

Наряду съ этими приготовленіями Черный-Георгій отправилъ генералу Симбшену письмо по поводу происходившихъ съ австрійцами переговоровъ и упомянулъ въ этомъ письмѣ о томъ, что Сербія, состоя подъ покровительствомъ Россіи, вручила ей и ея союзнику, Франціи, рѣшеніе своего жребія. Въ письмѣ было также сказано, что австрійскіе уполномоченные предложили: «предавъ Сербію въ верховную власть Австріи, просить о введеніи въ наши крѣпости австрійскихъ гарнизоновъ». Таковое предложеніе, учиненное уполномоченными вашими, не могло не удивить насъ до крайности. Не сомнѣваюсь нисколько, что предложеніе вашихъ полномочныхъ сдѣлано не по волѣ вашей, или по по-

(1) Тамъ же. С.

велѣнію австрійскаго двора, а единственно отъ усердія ихъ къ своему государю, мысля, что сдѣлають тѣмъ угодно его величеству» (1).

Но, давая такой отвѣтъ, нужно было сохранять полнѣйшую осторожность, чтобы не подать австрійцамъ повода къ враждебнымъ дѣйствіямъ. Поэтому, опасаясь присутствія Чернаго-Георгія вблизи австрійскихъ границъ или въ Бѣлградѣ, такъ какъ его горячность могла увлечь его за предѣлы благоразумія, Родофиникинъ писалъ ему: «Ради Бога, не присылайте сюда (въ Бѣлградъ) больше войска и сами не прїѣзжайте. Для пользы общей нужно, чтобы вы были въ Тополѣ, ибо, еслибы вы прїѣхали сюда и, къ несчастью, заперли бы и васъ съ нами въ Бѣлградѣ, тогда земля, оставаясь безъ верховнаго коменданта, потеряетъ все. Напротивъ того, будучи въ Тополи, можете давать свои повелѣнія и летѣть вездѣ, гдѣ нужно окажется ваше присутствіе».

Польщенный такою заботливостью о своей персонѣ, Черный-Георгій отправился въ Тополь, т. е. подальше отъ Бѣлграда, что только и требовалось.

Отказъ, сдѣланный австрійцамъ сербами, не остался безъ послѣдствій. 23-го мая австрійскимъ правительствомъ объявлено было строжайшее запрещеніе имѣть не только торговое, но и вообще какое бы то ни было сношеніе съ Сербіей. Только по ходатайству русскаго правительства, изъ Вѣны пришло разрѣшеніе, обнародованное въ Землинѣ 2-го (14-го) іюня, о дозволеніи продавать сербамъ хлѣбъ. Въ то же время австрійское правительство самымъ положительнымъ образомъ, но далеко не искренно, отвергало всякое свое участіе въ переговоры съ сербами.

Въ такомъ положеніи находились внутреннія дѣла въ Сербіи, когда въ среднихъ числахъ іюня получены были свѣдѣнія, что турки, не смотря на продленіе перемирія, намѣреваются напасть на сербовъ. Къ Нишу собралось до 6,000 человекъ турецкаго войска. А въ концѣ іюня прибыло еще 15,000 изъ Софіи къ Нишу. Въ Н.-Варошѣ, въ Босніи, собралось до 5,000 турокъ изъ Албаніи и до 2,000 направилось оттуда же къ Н. Базару. Все заставляло предполагать, что, вскорѣ турки намѣреваются напасть на сербовъ. Къ этому много способствовалъ и австрійскій дворъ, чтобы отомстить сербамъ за полученный отказъ. «Въ угоду туркамъ, австрійцы продали имъ нѣсколько судовъ на Дунаѣ и дозволили турецкимъ лазутчикамъ, вопреки нейтралитета, свободный проходъ по владѣніямъ Австріи».

Доноса о подобныхъ проискахъ вѣнскаго двора, князь Прозоровскій

(1) Тоже, № 242.

писалъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, графу Румянцеву, отъ 10-го іюля 1808 г.: «Всѣ сія происшествія болѣе и болѣе удостовѣряютъ меня въ заключеніяхъ моихъ на счетъ каверзовъ австрійскаго двора, мечущагося повсюду и изыскивающаго всѣ приличные и неприличные способы къ пріобрѣтенію себѣ противъ Франціи, которой онъ страшится, союзниковъ». Состоя въ дружбѣ съ Россіей, вѣнскій дворъ искалъ сближенія и съ врагомъ ея, Турціей, гдѣ вліяніе Австріи съ каждымъ днемъ усиливалось. Австрія совѣтовала Портѣ разгромить сербовъ, чтобы тѣмъ подать Россіи поводъ не замиряться съ Турціей. При такой двойной игрѣ Австрія рассчитывала, что какъ Россія, такъ и Порта охотнѣе вступать съ нею въ союзъ, а союзъ былъ нуженъ изъ опасенія Франціи.

Между тѣмъ, въ Сербіи снова начались волненія. 2-го сентября 1808 года Родофиникинъ писалъ князю Прозоровскому (1), что въ Сербіи снова начались заговоры противъ Чернаго-Георгія. Во главѣ заговора стоитъ тотъ же Младенъ, который составляетъ тайныя совѣщанія съ своими единомышленниками. Секретарь Чернаго-Георгія, Стефанъ, имѣвшій въ своемъ распоряженіи печать сербскаго вожда, былъ также на сторонѣ Младена, который подарилъ ему домъ. «Умы здѣсь опять возгорѣлись, доносятъ Родофиникинъ: все раздѣлено на партіи, дышущія злобой одна противъ другой и стремящіяся къ своей гибели. Младенъ съ товарищами ищетъ всѣми средствами избавиться отъ Чернаго-Георгія и основать свое владычество, простеръ даже дерзость до того, что самыя повелѣнія Чернаго-Георгія въ совѣтъ не допустилъ выполнить, а сдѣлалъ совершенно онымъ противное. Со мною въ объясненіяхъ своихъ представлялъ мнѣ, что онъ рѣшился непремѣнно убить Чернаго-Георгія и тѣмъ предупредить злое будто-бы его намѣреніе».

Изъ переписки князя Прозоровскаго съ визиремъ Мустафой-пашой можно было придти къ заключенію, что Турція не согласится принять требуемыя Россіей условія о признаніи рѣки Дуная границею между обѣими державами. Поэтому нужно было ожидать возобновленія войны весною 1809 года.

Въ виду этой неизбѣжности турецкое правительство рѣшилось сдѣлать попытку примириться съ Сербіей, чтобы имѣть возможность усилить свою армію, которая будетъ дѣйствовать противъ русскихъ войскъ на Дунаѣ. Съ этою цѣлью Мула-паша видинскій, по приказанію визиря Мустафы-паши, уговорилъ видинскаго архіерея согласить сербовъ примириться съ турками безъ чужаго посредничества. 1-го октября

(1) Prozorovsky, 1808 г., № 301. D. Архивъ мин. иностр. дѣлъ.

въ селѣ Голубино, близъ Порѣчья, съѣхались, съ одной стороны, видинскій архіерей съ своимъ секретаремъ, который, какъ оказалось послѣ, былъ, въ дѣйствительности, секретаремъ князя Суцо. Со стороны сербовъ были: бѣлгородскій митрополитъ Леонтій, секретарь Чернаго-Георгія и Родофиникинъ, сохранявшій инкогнито, въ качествѣ народнаго секретаря. Переговоры не привели, однако, ни къ какому соглашенію.

По поводу этихъ переговоровъ, князь Прозоровскій писалъ Родофиникину въ октябрѣ 1808 г. (1). «Географическое положеніе Сербіи на правомъ берегу рѣки Дуная не позволяетъ намъ желать совершеннаго присоединенія края сего къ Россійской державѣ». Но, въ видахъ необходимости осуществить значеніе покровительства, принятаго Россіей надъ Сербіей— «въ сохраненіе также на будущее время приверженности не только въ однихъ сербахъ, но и въ другихъ христіанскихъ народахъ, обитающихъ въ предѣлахъ имперіи Турецкой, для соблюденія симъ способомъ вліянія нашего у Порты», было необходимо выговорить для сербовъ извѣстныя права и преимущества.

«Пусть, писалъ князь Прозоровскій, будутъ они обязаны платить даже нѣкоторую дань Портѣ, если сіе неизбѣжно; но сія послѣдняя не должна вмѣшиваться во внутреннее управленіе, для котораго, съ общаго согласія народнаго и подъ руководствомъ чиновника, назначеннаго отъ Его Императорскаго Величества, яко Великаго Покровителя сея страны, можетъ быть составлена конституція».

Вообще князь Прозоровскій желалъ разъяснить вопросъ о томъ, что можетъ быть выговорено въ пользу Сербіи и какъ ее устроить? Родофиникинъ, отлично знавшій всѣ стороны современнаго быта Сербіи, представилъ по этому вопросу своя соображенія.

Мемуаръ Родофиникина отъ 2-го ноября заключалъ въ себѣ слѣдующія данныя относительно Сербіи.

1) Установить древнія границы Сербіи, со стороны Босніи по рѣкѣ Дрину, причемъ крѣпость Соколь, на лѣвомъ берегу Дрины, должна отойти къ Сербіи. Со стороны Албаніи, турки отказываются отъ крѣпости Скоція и Нижняго Базара. Границей съ Македоніей служитъ горный хребетъ, по которому шла древняя граница Сербіи, крѣпость Нишъ, и все пространство до Софіи также было прежде достояніемъ Сербіи. Восточная граница опредѣляется по рѣкѣ Тимоку. Острова дунайскіе присоединить не къ Сербіи, а къ Валахіи.

Но князь Прозоровскій находилъ, что возстановленіе древней Сербской границы— «невозможно, и требованіе о томъ даже могущимъ вре-

(1) Архивъ мин. иностр. дѣлъ. Prozorovsky, 1808 г. № 308. F.

дѣть интересамъ Его Императорскаго Величества, съ пріобрѣтеніемъ границъ россійскихъ по рѣку Дунай». Граница по Тимоку допускалась, но крѣпость Видинъ должна остаться за Турціей.

2) Торговля Сербіи съ Турціей должна пользоваться защитой Россіи, и сербы платять пошдины, наравнѣ съ россійскими подданными. Родофиникинъ полагалъ также полезнымъ предоставить сербамъ право имѣть свою монету. Князь Прозоровскій находилъ это излишнимъ.

3) Для интересовъ Россіи было бы важно установить, чтобы иностранные дипломатическіе агенты въ Сербіи допускались только съ согласія россійскаго двора, подъ покровительствомъ коего Сербія находится. Иначе, агенты эти могутъ «полагать препоны къ водворенію вліянія Россіи на сей край».

4) Иностранныя державы, въ особенности же Австрія, будутъ всегда стараться — *«чинить противное желаніямъ нашимъ въ Сербіи»*. Невозможно же думать, чтобы Австрія не старалась уменьшить наше здѣсь вліяніе; ибо безъ всякаго сомнѣнія видимъ, что, укоренивши мы здѣсь оное, пріобрѣтемъ знатную надъ нею поверхность, и при всякомъ случаѣ, при коемъ рѣшилась бы сія держава дѣйствовать противу Россіи, можемъ ей возбудить внутренняго врага, который часто опаснѣе внѣшняго. Видитъ также австрійское министерство, что край сей, будучи смеженъ съ Босніей, Албаніей, Македоніей и Болгаріей, представляетъ намъ всѣ желаемыя возможности, если за благо признано будетъ возбудить другихъ Черныхъ-Георгіевъ и сдѣлать, что хотимъ, въ Европейской Турціи, не подавая никому ни малѣйшей причины къ жалобамъ»,

«Нельзя не согласиться, замѣчаетъ князь Прозоровскій, съ пронипательнымъ и дальновиднымъ въ семь пунктѣ сужденіемъ г. Родофиникина. Турція будетъ, такъ сказать, подъ распоряженіемъ россійскаго двора, а Австріи послужить, всегда, къ обузданію сей послѣдней и къ удерживанію ея, даже отъ вчинанія войны».

5) *Власть*. По настоящему состоянію Сербіи, въ ней не можетъ быть установлено ни демократическое, ни аристократическое правленіе, такъ какъ все сведется къ взаимной враждѣ и интригамъ. Нужна сильная власть въ рукахъ одного князя, какимъ всего способнѣе оказывается Черный-Георгіи; но князь долженъ избираться народомъ.

Князь Прозоровскій, напротивъ, высказывался въ пользу наследственной власти князя, потому что иначе, при избраніи новаго князя, будутъ неизбѣжны внутреннія смуты и безпорядки. Турція и Австрія стануть, каждый разъ, интриговать, а Россія, какъ держава, покровительствующая Сербіи, будетъ имѣть серьезныя затрудненія. Поэтому княземъ долженъ быть избранъ Черный-Георгіи, какъ человекъ твер-

даго характера и преданный Россіи. Сына его и сыновей другихъ старѣйшинъ воспитывать въ Россіи, которую они должны полюбить и къ ней привыкнуть.

При князѣ состоятъ сенатъ или совѣтъ, подѣ его предсѣдательствомъ. Но, послѣ князя, первый голосъ принадлежитъ русскому консулу или агенту. Австрія и Франція также имѣють въ сенатѣ или совѣтѣ своихъ представителей и, общими усилями, ограничиваютъ произволь и водворяютъ порядокъ. При такомъ порядкѣ вещей, Австрія, если бы и желала интриговать противъ Россіи, не можетъ этого сдѣлать.

Для обезпеченія внутренняго порядка въ Сербіи, необходимо ввести регулярные баталіоны изъ сербовъ и поручить имъ занятіе крѣпостей. Россія дастъ опытныхъ техниковъ изъ артиллеристовъ и инженеровъ, а также строевыхъ офицеровъ, которые, поступая на службу въ Сербію, будутъ считаться въ Россіи состоящими въ отпуску.

6) Такъ какъ сербы управляются одними обычаями, то необходимо дать имъ законы, сдѣлавъ нужныя извлеченія изъ русскаго законодательства.

7) Сербія должна платить Турціи дань, не свыше 100,000 піастровъ. «Слово дань тяжкимъ покажется всѣмъ сербамъ» — поэтому слѣдуетъ придать ей видъ уплаты Турціи этой суммы, въ вознагражденіе за тѣхъ болгаръ и босняковъ, которые, состоя подданными Порты, переселились въ Сербію, изъ которой, иначе, они должны быть возвращены въ предѣлы Турціи.

Князь Прозоровскій полагалъ, что Сербія должна состоять подѣ покровительствомъ Турціи, такъ какъ сербы подѣ австрійскою державою быть не согласны; присоединить же Сербію къ Россіи не можно, по положенію ея на правомъ берегу Дуная».

8) *Подати.* Каждая сербская семья платила Турціи податей по 40 піастровъ въ годъ (1). Одинъ таможенный сборъ въ Сербіи давалъ Турціи до 160,000 піастровъ въ годъ.

Не смотря на такіе поборы, Сербія пользовалась значительнымъ достаткомъ, благодаря своему плодородію, и считалась даже житницею Константинополя. Поэтому, уплачивая Турціи, по проекту Родофиникина, только 100,000 піастровъ въ годъ, Сербія могла безъ всякаго затрудненія нести внутреннія подати на нужды страны.

Определеніе этихъ податей должно быть возложено на народный совѣтъ и утверждено Государемъ Императоромъ, съ указаніемъ на то, что никто въ Сербіи не имѣеть уже права налагать новые налоги и

(1) Во все время войны съ народа собиралось по 1/10 хлѣба и двадцатая коза и овца для войскъ.

требовать дароваго труда, и народъ долженъ отбывать только повинность по исправленію общественныхъ дорогъ (1).

Въ случаѣ, когда пришлось бы выговорить для Сербіи ея независимость, и когда наступить время водворить въ ней новую конституцію, слѣдовало ожидать не мало затрудненій «Самъ Черный-Георгій первый будетъ препоною ко введенію устройства. — Всѣ почти поглавари, кромѣ двухъ или трехъ, были до сего или разбойники, или свинопасы, изъ лѣса никуда невыходившіе и понятія ихъ весьма ограничены».

Предстояло, прежде всего, удалить главнѣйшихъ изъ нихъ, Младена и Милое, какъ наиболѣе интриговавшихъ противъ Чернаго-Георгія. Для этого полагалось просить ихъ пріѣхать въ Петербургъ, какъ людей наиболѣе почетныхъ, для заявленія своихъ мнѣній по дѣламъ Сербіи, и удержать ихъ тамъ, подъ благовиднымъ предлогомъ, пока въ Сербіи не утвердится конституція. Самого Чернаго-Георгія также нужно было пригласить, мѣсяца на два, для переговоровъ съ княземъ Прозоровскимъ и, пользуясь его отсутствіемъ, устроить дѣла Сербіи такъ, чтобы по своемъ возвращеніи «онъ нашелъ уже все оконченнымъ».

Только этимъ путемъ будетъ отстранена междоусобная въ Сербіи война. «Я могу смѣло сказать, говорить Родофиникинъ, что единое присутствіе російскаго чиновника спасло отъ гибели Сербію, безъ чего здѣсь была бы давно уже междоусобная война».

Къ тому же Австрія не щадила усилій, чтобы интригами и происками препятствовать утвержденію въ Сербіи всякаго порядка.

«Австрія не можетъ никогда взирать равнодушно на благополучіе сербовъ. Болѣе двухъ миліоновъ единоплеменцевъ и единовѣрцевъ ихъ состоитъ подъ владѣніемъ австрійскимъ, коимъ они весьма недовольны. Слѣдовательно, австрійскій дворъ, когда край сей (Сербія) начнетъ процвѣтать, долженъ ожидать или знатное число бѣглецовъ, или совершенное возстаніе австрійскихъ сербовъ. А потому интересъ онаго требуетъ стараться, всячески, безпокоить сію землю интригами и не допустить никогда, чтобы нація здѣшняя пользовалась спокойствіемъ и строгимъ правосудіемъ, дабы отнять отъ своихъ сербовъ всякую охоту бѣжать сюда, или послѣдовать примѣру здѣшнихъ возстаній» (2).

Въ такомъ положеніи находились сербскія дѣла къ концу 1808 г.

А. Петровъ.

(Продолженіе будетъ).

(1) Prosorovsky, 1808 г. № 324. В. Арх. М. И. Д.

(2) Prosorovsky, 1808 г. № 324. С. Арх. М. И. Д.